

ТУМАН НАД ТОКИО

автобиографический роман

12+

Лариса Аш

Лариса Аш

Туман над Токио

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42128740

SelfPub; 2019

Аннотация

На сцене в Токио и Осаке она – прекрасная английская леди. А чуть выйдет из театра, как превращается в сломленную тяжёлой утратой нищенку. «Горе, как рваное платье, оставляй дома» – учит японская мудрость. Поэтому за кулисами ей приходится скрывать душевную боль под маской благополучия. Притворство и фальшь влекут за собой кризис доверия к окружающим, и даже ухаживания популярного японского певца и актёра, слишком мудрёные для европейки, заводят её в тупик. Искренен ли любимец миллионов японских дам, чьи ласковые янтарные глаза молят о любви? Или это просто блеф гениального актёра, помогающий ему блестяще сыграть на сцене большую любовь?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	58
Глава 6	74
Глава 7	90
Глава 8	98
Глава 9	103
Глава 10	110
Глава 11	116
Глава 12	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Часть первая

Глава 1

Окольцованная бриллиантами и суровостью японского шоу-бизнеса дама ждала меня на вокзале. Она не поклонилась, как принято в Японии при первом знакомстве, и тут мне бы следовало насторожиться. Но я была слишком занята тем, что произошло в скоростном поезде Синкансэн, вырвавшем меня с корнем из Тохоку¹, и, не кантуя, выгрузившем в мегаполисе Осака.

«Бриллиантовая» дама, госпожа Хории, менеджер театрального агентства «NICE», зафиксировала взглядом мои губы, произносившие приветственные фразы и слова благодарности по-японски, но, видимо, с сильным акцентом. Затем её зрачки переместились на мою шею, и в них виртуозно заиграли багряные блики от гранатового кулончика, висевшего у меня на тонкой цепочке.

Пока мы шли к стоянке такси, я прикидывала, прилично или неприлично сейчас достать из сумки глазные капли и ещё раз промыть свои опухшие от слёз веки. В этот момент госпожа Хории надела солнцезащитные очки и проблема с

¹ Регион восточной Японии на острове Хонсю.

веками была решена – я сделала то же самое, спрятав отёчность глаз за тёмными стёклами.

Пять часов назад, заняв место у окна в поезде Синкансэн, я задала себе два несложных вопроса: куда я еду, и зачем мне это надо? Ответ на второй вопрос был лёгким. Как это зачем? Я всегда знала, что рождена актрисой. И все дороги вели меня на большую сцену. Просто судьба долго подковывала меня, давала созреть, обуздывая мои пылкость и нетерпение.

И вот я, созревшая на ценностях мировой культуры, подкованная страстями французских романов, бросалась в отчаянии, как мадам Бовари, к мышьяку, чтобы судорожно набить им рот, и покончить с рутиной бытия, убить в себе преподавателя французского языка и... заблестать под прожекторами японской сцены! Накануне отъезда в Осаку меня одолевали амбиции, от которых захватывало дух. Вот он, мой звёздный час! Зеркала уже отражали ореол славы, венчиком обрамляющий мою голову.

Тут зазвонил телефон. Мама сообщила, что отцу стало хуже. Ещё разгорячённая грандиозным будущим и упоённая рукоплесканиями зрительного зала, я опешила. Как же так? Ведь у папы не злокачественное заболевание крови? Ведь он лечится у лучшего районного гематолога?

Я как будто наступила на длинный шлейф своего тянущегося по сцене платья, зашаталась, цепляясь за декорации... и свалилась в оркестровую яму. Падать с высот актёрской гло-

рии в драматическую явь было слишком больно.

Выплёвывая мышьяк амбиций, я кричала в телефонную трубку, смахивала с головы виртуальный парик, а заодно с ним и ореол будущей славы, сдирала накладные ресницы, размазывала грим слезами, умоляя маму сделать всё возможное, чтобы спасти папу.

Положив трубку, я прилегла, уставившись в потолок. Он казался мне глиняным рингом, где, как два борца сумо, давали друг другу увесистые пинки мой звёздный час и страх потерять отца.

Уже поздно ночью опять раздался звонок. На этот раз звонил брат. Мама сильно расстроилась из-за моих стенаний по телефону, полезла за чем-то на верхнюю полку шкафа и упала с табурета. Переломов нет, но на левой ноге образовалась большая кровавая гематома.

* * *

Сидя у окна скоростного поезда Синкансэн, я никак не могла найти ответ на свой первый вопрос: куда я еду? За окном лил дождь.

Остановка. Вокзал Корияма. Мамаша усадила своего малыша в кресло с другой стороны прохода и достала для него завтрак – «онигири», треугольник из варёного риса, завёрнутый в лист из спрессованных морских водорослей. Рядом со мной было два свободных места.

Немолодая японская пара вошла в вагон, сверяя билеты с номерами сидячих мест. Впереди шествовал налегке видный супруг, по чьей солидной осанке, сытому облику и вольной походке можно было изучать теорию иерархии доминирования. Ту, где буквой альфа обозначается особь, занимающая доминирующее положение в стае, а в данном случае, в семье. За альфа-супругом несла тяжёлую сумку миловидная омега-жена с лицом, выражающим крайнюю усталость и слепое повиновение вожаку. Тот, бросив на меня орлиный взор и поняв неотвратимость близости с чужестранной блондинкой, уселся рядом. Омега-жена нагнулась к сумке, пытаясь оторвать её от пола, чтобы загрузить на полку для багажа. Вожак не шелохнулся. Тогда я встала, стукнувшись плечом об откидной столик впереди стоящего кресла, и, переступив через колени вожака, схватилась за край сумки, чтобы помочь супруге затолкать её наверх. Что мы, две омега-женщины, и сделали, мило улыбаясь друг другу. А альфа-супруг чуть приподнял своё мягкое место с такого же мягкого комфортабельного кресла и произнёс: «О-о-о!»

Супруга, поблагодарив меня и несколько раз поклонившись, достала кружевной платочек и стала смахивать им пот с лица. Я исподтишка наблюдала, примет ли вожак меня в свою стаю, раз я оказалась впритык к нему по воле компьютерной системы бронирования мест? С учётом того, как старательно он не смотрел в мою сторону и как напрягал мышцы, чтобы, не дай бог, не задеть локтем мою руку, лежащую

на подлокотнике, или же коленом не прикоснуться к моей ноге, я сделала вывод: не-а, не принял. Я мешала ему расслабиться, выпить пива, съесть ланч-бокс, потому что была из чужой стаи, являясь бета или омега-особью со светлыми волосами, кожей цвета сметаны, высокой переносицей и серо-голубыми глазами.

Супруги совсем не разговаривали друг с другом. И не только потому, что рядом находилась чужестранка. Они, видимо, вообще не разговаривали друг с другом, как это происходит с большинством японских пар, которые долго живут вместе. По единственному взору, тому, орлиному, положенному на меня альфа-вожаком, я поняла многое. Интимных отношений у пары не было. Супружеский долг был полностью и навсегда погашен после рождения их потомства. Обычный для японцев сценарий. Супруга проявляла слишком много рвения по уходу за детьми, а вожак поначалу обходился подручными средствами, затем, удачливый и при деньгах, стал посещать ночные клубы с девушками-хостес² из восточноевропейских стран. Там нашёл платиновую любовницу, начал оплачивать её счета по аренде просторной квартиры в самом центре города, одел её в «бренды» вплоть до трусиков и купил белый «мерседес». О, белый «мерседес» – это была мечта всякой платиновой блондинки

² Официантки в ночных клубах, в чьи обязанности входит общение с гостями заведения, стимулирование их к приобретению алкогольных напитков и еды, а также умение спеть или станцевать по запросу клиента.

из Восточной Европы, работающей в японском ночном клубе. Омега-жена жила в полном неведении о ночных похождениях мужа, поскольку большинство японских мужчин очень мозговитые и гуляют с умом: в будние дни «работают» даже ночью ради благополучия семьи, а каждую субботу и воскресенье прилежно сидят дома, что вводит в ярость любовницы-содержанку. Однако, судя по тому напряжению, которое испытывал альфа-супруг, сидя в нескольких сантиметрах от меня, сценарий переписывался заново. Любовницей была не платиновая европейка, а хостес-японка, а это в сто раз хуже! Плата за обладание телом японки из ночного клуба – готической Лолиты с голоском нежной птички и неизлечимой булимией к материальным благам – грозила бы разорением даже альфа-олигарху из Европы.

* * *

Остановка. Вокзал Уцуномия. Заскучавший вожак вытащил из кармашка впереди стоящего кресла информационно-рекламный журнал японских железных дорог «Train Vert» и принялся лениво листать его. Я мельком глянула, на чём это задержал внимание наш доминирующий иерарх. Так... Реклама какой-то театральной постановки... Оказывается, альфа-сосед интересуется театром!

Долго рассматривать вместе с ним журнал не полагалось по правилам хорошего тона, и я отвернулась к окну. Но кра-

ем глаза, стрельнувшим в журнал, я увидела сладкую парочку, улыбающуюся с рекламы. Дородная пышногрудая героиня в синем европейском платье держалась за что-то похожее на корабельный штурвал. Рядом с ней находился сияющий счастьем и покоряющий неоспоримым шармом главный герой постановки, японский актёр в английском котелке покроя XIX века, видимо, в роли капитана. Мой сосед подал голос, энергично произнеся: «О, Фуджи-сан да!», что в переводе с японского означало: «А, да это же Фуджи-сан!» Затем, удивив и меня, и супругу своей многоречивостью, опять воскликнул: «О, Нагао-сан да!» Сия длинная реплика означала «А, да это же Нагао-сан!» Я не знала, кто такие Фуджи-сан и Нагао-сан, но по тому, с каким энтузиазмом альфа-сосед толкнул речь, убедилась, что это народные любимцы, шоу-звёзды.

Амбициозность опять стукнула мне в голову. Сидящий рядом иерарх пока не знал, с кем в поезде Синкансэн его столкнула глобальная дистрибьюторская система! Бронируя билеты онлайн, он даже не ведал о такой удаче! Но вскоре я, восходящая звезда японской сцены, блесну страстями в театрах общенационального масштаба, например, в роли Офелии или леди Макбет, и раскрою тончайшие грани своего трагедийного и комедийного дарования, опирающегося, естественно, на учебники по актёрскому мастерству, которые я скоро проштудирую. Потом, само собой, меня заметит влиятельный продюсер и высоко оценит мою персону... И

вот тогда, как домкратом, он подымет меня с позиции преподавателя французского языка и зашвырнёт, словно фрисби³, на самые верхи японского шоу-бизнеса! Я буду тусоваться на центральном телевидении, в телешоу бок о бок с Такеши Китано, и на съёмках артхаусных телесериалов... А-а, голова шла кругом! И в ней созрел тонко продуманный хитрый план: продефилировать через колени соседа в туалет. Так он лучше меня запомнит! И потом горько пожалеет, что не коснулся локтем или голенью этой европейской суперзвезды, не сходящей с телеэкранов!

Я нежно произнесла «сумимасэн» (прошу прощения) и протиснулась между острыми коленями олигарха и спинкой впереди стоящего кресла, на этот раз ударившись своим мягким местом об откидной столик соседа. Омега-супруга услужливо вскочила и, искренне улыбнувшись, открыла мне светлый путь в туалет. О-о, теперь уж доминирующий пассажир не забудет, с кем сидел рядышком 12 июля этого года в поезде Синкансэн!

Остановка. Вокзал Омия. Супружеская пара покидала вагон в строгом порядке греческого алфавита. Впереди налегке шёл супруг, как и полагалось первой букве «альфа». Позади, с тяжёлым багажом, следовала «омега». А их на века вечные отделяли друг от друга остальные двадцать две буквы греческой письменности, зафиксировавшие много-

³ Летающий диск в виде пластиковой тарелки с загнутыми краями, предназначенный для метания под различными углами.

численные ошибки и трагедии истории, провалы, взлёты и падения цивилизации.

Я осталась одна. За окном проливал слёзы на рисовые поля сезон дождей. До Токио оставалось минут двадцать езды. Заскучав, я открыла журнал «Train Vert» на странице, рекламирующей спектакль про сладкую парочку. И название, и вся информация, разумеется, на японском. А я, честно признаться, на иероглифы всегда смотрела как ёж в страховой полис. Даже рискну сказать – ожесточённо. В глазах у меня сразу начинало либо рябить, либо перед носом появлялись какие-то отвратительные белые мушки. Это был тот случай, когда, при виде текстов, составленных из иероглифов, в голове у меня, что называется, шарики за ролики запрыгивали. И не потому, что моего умственного коэффициента не хватило, чтобы за десять лет проживания в Тохоку на должном уровне осилить чтение и правописание идеограмм. (Кстати, не считая японского разговорного, я владею английским и тремя европейскими языками.) Нет, просто по мере обучения коварным сплавам мелких палочек, чёрточек, крестиков и ноликов, мой IQ взбесился и начал великое сопротивление заковыристости и уму не постижимой сложности азиатской письменности.

«Ну зачем, – спрашивал меня коэффициент, – такое простое и близкое всякому смертному слово «любовь» обозначать таким трудоёмким для начертания иероглифом

愛?

Произносится-то он мгновенно «аи», а вот попробуй напиши! Не говоря уже о более сложных понятиях, для начертания которых требуется чуть ли не до ста палочек, чёрточек и перекладин!»

И вот тогда он восстал, мой бунтарь-коэффициент, устроил ни много ни мало государственный переворот! Как парижский санкюлот, вооружившись рогатиной и камнями, пошёл мой IQ не на взятие Бастилии, а на взятие измором китайских идеограмм. Взять их в одиночку, без народной поддержки, не удалось, поэтому мой IQ рывкнул: «Пользуйся автоматическим переводом Гугл!», после чего сложил оружие и бросил силы на другие фронты, в том числе на артистические и литературные...

Но, рассматривая два иероглифа, составляющие название рекламируемой постановки, IQ восторжествовал. Как же ему было не узнать идеограмму нашего с ним любимого куста камелии, по-японски «цубаки», цветущего зимой у нас под балконом? А вторая идеограмма была нам с коэффициентом жизненно необходима, потому что мы водили машину, колеся по заснеженным дорогам Тохоку, и зимой регулярно проверяли прогноз погоды по телевидению на предмет снегопадов, по-японски «юки», чтобы обоим не подвергаться – и ему и мне – риску при торможении на обледенелом шоссе. Итак, мы с IQ по двум опознанным иероглифам разгадали название рекламируемой пьесы! «Камелия на снегу». После чего коэффициент задремал, а я стала рассматривать глав-

ных действующих лиц, всенародных любимцев Фуджи-сан и Нагао-сан.

Неделю назад менеджер госпожа Хории, по телефону предлагая мне роль в театральной постановке крупного масштаба, название пьесы и имена актёров не упомянула, а если даже и упомянула, то я не разобрала. Поэтому ликования в предвкушении того, что я выйду на сцену с этой вот сладкой парочкой, не возникло. Хотя это не помешало мне внимательно взглянуться в лица звёзд японского шоу-бизнеса. Надо прямо отметить – их лица мне ни о чём не говорили. Вот если бы за корабельным штурвалом стояла Моника Белуччи, а господин, держащий в руке английский котелок, был Антонио Бандерасом, тогда у меня возникло бы множество эмоций и ассоциаций. А великая актриса Фуджи-сан была для меня так же безлика, как безымянная нимфетка⁴ с силиконовой грудью, рекламирующая бикини на обложке японского журнала «NYLON». Однако Нагао-сан, капитан судна, производил эффект гипноза своими миндалевидными, чуть хитроватыми, янтарными, ласковыми глазами, которые, без всякого сомнения, разбивали вдребезги сердца всех его поклонниц. Но актёр не вызывал во мне никаких ассоциаций с европейской или же англо-саксонской мужской привлекательностью, и блеск моего взгляда, оценивающего данного всенародного любимца, погас.

⁴ Нимфетка – сексуально привлекательная девочка-подросток. Слово получило широкое распространение благодаря роману Владимира Набокова «Лолита».

Остановка. Вокзал Уено. Через пять минут поезд прибывал в Токио. Капли дождя бились об окна, пытаясь достучаться до сердец нескольких сидящих в вагоне пассажиров, затем текли прозрачными струями по стёклам, как по щекам убитого горем человека, оплакивающего невосполнимую потерю.

Я вышла из поезда, покидая линию Тохоку-Синкансэн. У меня было десять минут на длинный переход по вокзалу к линии Токайдо-Синкансэн, соединяющей станции Токио и Син-Осака. Второпях, не зная, куда идти, я искала указатели. Жирной стрелкой со значком мини-самолёта указатель настаивал на том, чтобы я переходила не на линию Токайдо, а на линию Собу, ведущую на перрон экспресса «Нарита», с конечной остановкой в международном аэропорту. Толпы народа с ошалелым видом спешили на свои линии и поезда. Иногда я ловила на себе их взгляды, в основном равнодушные, иногда не очень доброжелательные, поскольку являлась особой не из их стаи.

Наконец я вышла на линию Токайдо и запрыгнула в Синкансэн «Нозоми». Указатель со значком мини-самолёта не выходил из головы. Кажется, я ехала не туда. Машинист локомотива сделал объявление, перечислив все остановки. Через два часа двадцать пять минут поезд прибывает на станцию Син-Осака. Нет, ошибки не было. Но я ехала не туда!

Жирная стрелка на вокзале Токио, направляющая пассажиров к международному аэропорту Нарита, колола меня

копьем в область сердца, устраивала пытки, загоняя остриё под ногти. И всё для того, чтобы я слёзно покаялась в своих амбициях, не грезила о грядущей славе, а лучше б собирала чемодан да летела к родителям. Ведь папе стало хуже... У него сильные боли в суставах, такие невыносимые, что он скрипит по ночам зубами, да в придачу полная потеря иммунитета из-за заболевания крови, вовсе не злокачественного... Мама – сердечница, а обширная гематома на голени к добру не ведёт... Любовь и жалость к родителям терзали меня больней, чем жестокие пытки стрелки-указателя. И как сожаление о своей дурной голове, как раскаяние в легкомысленности и бесшабашности у меня по щекам потекли слёзы. Ни усилия мои собственные, ни злое шиканье разбухшего IQ не смогли остановить их. Более того, слёзы внезапно перешли в глухие рыдания. Я подавляла их, заткнув рот рукавом кофты и украдкой оглядываясь на соседей. Рядом со мной не было ни олигархов, ни иерархов, ни их супруг. Впереди стоящие кресла, к счастью, тоже были пусты. Лишь позади, через два ряда от моего, виднелись макушки чьих-то голов. Я не понимала, что со мной происходит, но ситуация не поддавалась контролю. Допила чай из пластиковой бутылки – не помогло. Взяла себя в руки лишь для марш-броска в туалет, чтобы умыться холодной водой. И вдруг там, в зеркале, увидела красное, кислое, искажённое от неслучившегося горя лицо. Это было не моё лицо! Мама часто говорила: «Доченька, никогда не плачь – от слёз быстро постареешь».

От этого воспоминания я разрыдалась ещё больше.

Кто-то подёргал дверь в туалет, и мой умственный коэффициент стал судорожно обдумывать стратегию возвращения в вагон. Дело в том, что шла-то я сюда по ходу поезда, и пассажиры видели только мою спину. А обратный путь пролегал против движения Синкансэна, и таким образом я просматривалась прямо анфас. Вдруг мой коэффициент осенило! В сумке у нас имелось гениальное изобретение какого-то сопливающего фармацевта – марлевая маска (выпуклая, делающая лицо похожим на соевый боб) на случай чихания, насморка, аллергии у её пользователя, или чтобы предохранить свой любимый организм в общественном транспорте от кашляющего соседа и его вируса. А мне она служила ещё и для маскировки. Всякий раз, когда рано утром надо было срочно выйти в магазин за молоком, с лицом для публики непрезентабельным, а косметику накладывать жутко не хотелось, то спасала такая вот марлевая штука – натянул на уши и вся «красота» в бобе.

Надев маску и опустив глаза, я вернулась на своё место. Как раз в это время поезд приближался к префектуре Сизуока, и гора Фудзияма находилась совсем близко, где-то там, за плотной завесой дождя. Мне было не до горы. Лишь только та настырная стрелка, покаравшая меня за неправильный выбор маршрута, подсыпала соли на рану, вопрос: «Куда я еду?» поднимался, как колосс, и рыдания возобновлялись.

Я применяла любые подручные средства для конспира-

ции, такие как рукав кофты, зажатие носа пальцами, щипки и покусывание рук, и, кажется, ни один из сидящих или передвигающихся пассажиров и в ус не дул о плачевной ситуации на моём ряду. Да если бы кто-то и заметил рыдающую европейку, то навряд ли бросился утешать или успокаивать. Большинство японцев, будучи свидетелями проявления чьих-либо эмоций в общественном транспорте, или утыкаются в свои мобильные телефоны, или притворяются спящими.

Поезд подъезжал к вокзалу Сизуока. И тут произошёл нежданно-негаданно метеорологический сюрприз. Небо посветлело, выглянуло солнце и тучи плавно, как театральный занавес, разошлись над кратером священной горы. На сцене, залитая светом небесной рампы, стояла она, Фуджияма, культовая красавица японских телепередач по искусству, примадонна гравюр укиё-э⁵ и открыток для туристов. Сзади меня раздались восхищённые возгласы, и кто-то захлопал, точно в зрительном зале.

Я впервые видела Фуджияму так близко. И тут мне надо бы воскликнуть: «У меня даже спёрло дыхание!» Но мой IQ был ярым противником и культа личностей, и культа гор. Даже Джона Леннона и Олимпа. Вдобавок ко всему, с моих коленей сполз на пол мобильный телефон, и от удара распал-

⁵ Укиё-э (яп. картины, образы изменчивого мира) – направление в изобразительном искусстве Японии, получившее развитие с периода Эдо. Слово «укиё» дословно переводится как «плывущий мир».

ся на части. Батарейка и сим-карта лежали от него отдельно. У меня даже спёрло дыхание! Это был очередной разбитый телефон!

Пока я его собирала, слушала звуковые сигналы, а они звучали как ни в чём не бывало, слёзы подсохли. Поезд отъезжал от вокзала Сизуока. Фуджияма была видна как на ладони. Склоны её были совсем не скалистые, а плавные и покатые, как спокойные мазки художника... Странно, почему тогда Кацусика Хокусай⁶ в гравюрах «Тридцать шесть видов Фуджи» рисовал гору неприступной, с крутыми очертаниями, которую могли покорить лишь избранные? Видимо, прозорливый мастер увидел в Фуджияме то, чего не видели простые смертные: крутизну, непревзойдённость, эгоцентризм любимицы. Похоже, что и миру искусства была не чужда теория иерархии!

А сегодня у подножия священной горы делался чёрной тушью рисунок для ещё одной гравюры, под названием «Тридцать седьмой вид Фуджи». На первом плане терзаемая собственным эгоцентризмом я, а надо мной господствует крутая Фуджияма. Занавес из грозовых туч медленно закрылся на этой реплике, и тридцать семь видов Фуджи исчезли со сцены.

Мой папа всегда хотел быть в семье главным, то есть пер-

⁶ Японский художник стиля укиё-э, иллюстратор, гравёр периода Эдо. Является одним из самых известных на Западе японских гравёров, мастер завершающего периода японской ксилографии.

вой буквой греческого алфавита. А мама не хотела быть последней. Поэтому их супружеская жизнь протекала бурно, с рукоприкладством и ежедневными конфликтами. Затем они разошлись. Но я приняла позицию нейтралитета, поддерживая и любя обоих. Любя обоих... Рыдания вновь подступили к горлу.

Поезд прибывал на станцию Син-Осака. Значит, выбора маршрута больше не было – по ту сторону турникетов меня ждала менеджер Хории-сан и неизбежный, как пить дать, успех.

Глава 2

Мегаполис Осака давил меня, будто мошку, своими плотными рядами небоскрёбов, целиком сконструированных из бетона и стекла. Изредка в их тиски попадали синтоистские или буддийские храмы, и даже сам Хотоке-сама⁷ не смог бы вырвать их из каменного плена.

При сорокоградусной жаре и высоком проценте влажности вкрутую варился не только мой IQ, но и IQ всех жителей Кансая⁸. Переходить широкие магистрали было опасно, потому что, видимо, охладители воздуха внутри автомобилей из-за жары не справлялись со своей задачей, и у водителей тоже плавилась мозги.

Да простят меня обитатели мегаполиса, но мне хотелось спастись бегством от мегабетонного давления многоэтажных глыб сверху, на голых, без растительности, без голосов птиц улицах, по которым провела меня Хории-сан. Шли мы из бизнес-отеля, в котором я переночевала, к театральному агентству «NICE». А вокруг да около поблёскивали моноклями безупречно вымытых стёкол безликие высотки.

В агентстве я была представлена директору, милейшему господину Янабэ, который один из немногих не посмотрел

⁷ Японский эквивалент имени Будды.

⁸ Кансай – регион западной Японии на острове Хонсю, в котором находится префектура Осака. Центром Кансая является префектура Киото.

на меня, как на инопланетянку, предложил кофе и оказал в дальнейшем ряд любезных услуг. Он быстро откланялся и уехал на важное заседание в телецентр.

Хории-сан, перед тем как выехать со мной на встречу с продюсером одной из самых крупных японских компаний, имевшей монополию по театрам Токио и Осаке, вручила мне программку спектакля и пошла делать фотокопию моего французского паспорта.

Я поперхнулась глотком кофе! На программке улыбалась сладкая парочка, стоя за корабельным штурвалом!

Когда менеджер вернулась, я уже хорошенько прокашлялась и голосом, имитирующим восхищённые интонации альфа-супруга из Синкансэна, произнесла:

– О, Фуджи-сан да! А, Нагао-сан да!

– Да, да! – подтвердила Хории-сан, явно удивлённая моим знанием кумиров. – И кроме Фуджи Моеми-сан и Нагао Терумуне-сан в пьесе будут играть ещё несколько звёзд театра и кино!

Другие звёзды меня не заинтересовали. Поскольку я начала маневр. Нагнувшись над иероглифами и проведя по ним пальцем, я вслух прочитала название постановки: «Камелия на снегу», давая тем самым понять, что не лыком шита и владею японской грамотой.

Ожидаемого эффекта не произошло. Наверное, Хории-сан была уверена, что человек, собирающийся выходить на большую сцену и, соответственно, учить роли, уж чи-

тать-то умеет. Она просто поддакнула:

– Да, да, это так. «Камелия на снегу».

Теперь, пожалуй, можно было задавать главный вопрос, вертевшийся у меня на языке уже две недели, с самого нашего первого контакта по телефону. И я его задала:

– Скажите, пожалуйста, каков размер гарантий?

Гарантией тут называют зарплату актёров и певцов.

Хории-сан даже бровью не повела, но ответила без вежливых формулировок:

– Аш-сан, такие вопросы задавать не следует.

Я не умела ещё владеть своими бровями, поэтому не только повела ими, но они ещё у меня и выгнулись в дугу от изумления. Не задавать? Так в Европе устраивающийся на работу таких вопросов и не задаёт! Потому что работодатель своевременно и самолично уведомляет будущего сотрудника о размере зарплаты. Впрочем, настаивать на вопросе о деньгах я не решилась, опасаясь испортить свою актёрскую карьеру.

Чуткий менеджер поспешила сообщить мне то, от чего любой размер гарантий напрочь вылетит из головы! При собеседовании с продюсером я должна буду пройти тестирование на роль. Мне выдадут ксерокопию с моими репликами, двадцать минут на чтение и затем – показ.

У меня похолодело внутри. Двадцать минут на чтение? Иероглифов?! Так это... я их и за двадцать суток не прочту!

– Пора, госпожа Аш, собеседование в 11:30. Поедем на метро, тут близко, – усугубила мои страхи Хории-сан.

Мы проехали по прямой линии подземки несколько остановок и вышли через длинную торговую улицу к театру. При сорокаградусной жаре и высоком проценте влажности, соответственно, косметика «течёт». Вот такой и увидел меня у служебного входа в театр продюсер спектакля, господин Накамура. Он, тоже прекрасно умеющий владеть бровями, даже не повёл ими, только украдкой окинул меня с ног до головы, оценивая, видимо, подхожу я на роль, или не очень.

Мне в срочном порядке требовалось подправить макияж. Но отпрашиваться в туалет было не солидно. Тогда я почти смирилась с мыслью, что с таким вот лицом навряд ли подойду на роль, и навряд ли сыграю на сцене этого шикарного и безразмерного, как буддийский храм, сооружения.

Я почувствовала, что вхожу в состояние индифферентности, когда уже всё до лампочки и будь что будет. А внезапное безразличие к окружающему было для меня лично огромной удачей в сложных ситуациях. В такие моменты моя врождённая застенчивость испарялась, как косметика в сорокаградусную жару, и я становилась раскованной, смекалистой и игривой.

Накамура-сан, заметив огонь в моих глазах и приняв его за интерес к роскошным внутренностям здания, начал, как туристке, выдавать информацию о годе создания театра, его возведении, нюансах архитектуры и замечательных пьесах, в большинстве своём «кабуки»⁹, сыгранных здесь. Я широко

⁹ Кабуки – один из видов традиционного театра Японии. Представляет собой

улыбалась, восхищалась, и из моего горла чуть не вырвалась удачная, на мой взгляд, шутка. Но, наученная горьким опытом, я зарубила себе на носу, что шутить, кроме как с близкими друзьями, в Японии опасно, поскольку официальные лица не понимают европейского юмора и принимают его за издёвку.

Добравшись наконец до зала заседаний, мы сели за бесконечно длинный стол из дорогого дерева. Накамура-сан восседал, как альфа, в самом его начале, а мы с Хории-сан, бета и омега, находились в конце, у двери. Заседание началось. Я была рада тому, что Накамура-сан едва виднелся на том краю, и тёмно-коричневые пятна на его холёном лице с такого расстояния не просматривались. Значит, и он не видел недостатков моей кожи, причиной которых была изнуряющая жара и влажность. Приятный релакс разлился по всему телу...

Минут пять мы обменивались вежливыми фразами и восклицаниями, которые вкратце звучали так: «Я безмерно рад (рада) встрече с вами, и несказанно благодарен (благодарна) за оказанную мне честь». Затем пять минут я сообщала с сильным европейским акцентом сведения о себе. Заодно поинтересовалась, не помешает ли мой акцент игре на японской сцене. Накамура-сан мягко ответил, что иностранный акцент в моей роли просто необходим, потому что это роль английской аристократки. И успокаивающе добавил:

«Не беспокойтесь, госпожа Аш, слов в роли совсем немного и они вас не должны затруднить!» В свою очередь мне, как иностранке, была непонятна и слегка неприятна вежливая манера Накамуры-сан во всём меня успокаивать и не отягощать крупной ролью. В душе я ему противоречила: «Чем больше реплик будет в моей роли, тем многограннее раскроется моё актёрское дарование!» А вслух произнесла, с английским акцентом:

– Нэ мог би Накамура-сан бит так добр сообщит мне количество страниц с репликами в чрезвычайно интересный роль английской аристократка, на который он так любезно меня пригласить и за который я искренне ему благодарить!

Продюсер с обезоруживающей улыбкой подбодрил меня:

– Даже речи не могло бы быть о множестве реплик, Аш-сан, поскольку мы пытаемся сделать всё возможное для вашего комфорта на сцене и в нашем театре. А также разрешите ещё раз выразить вам свои искренние извинения за то, что отрываем вас от основной деятельности: обучения студентов университета в Тохоку французскому языку и французской культуре. И, поверьте, мы беспредельно рады, что этот отрыв не продлится дольше трёх месяцев!

У меня возникло подозрение, что Накамура-сан действительно настолько искренне сожалеет о причинённых мне неудобствах, что по прошествии трёх месяцев больше никогда мне их не причинит. И на этом моя актёрская карьера закончится.

Продюсер вытащил из папки один единственный листок ксерокопии и, любезно поднявшись со стула, самолично перенёс его в наши края:

– Пожалуйста, Аш-сан, не беспокойтесь, вот здесь ваши реплики, отмеченные красным. Их шесть. Но, к большому сожалению, драматург не смог написать вашу роль без слов! Прошу прощения!

Весь мой релакс исчез, и мне хотелось настойчиво объяснить ему, что меня совершенно не затруднит, если реплик будет много, в каждом действии, от начальной и до финальной сцены постановки!

Продюсеру, кажется, надоело наше с ним воркование и он довольно твёрдо сказал:

– Прочитайте, пожалуйста, реплики и подготовьте их к показу. Вашим партнёром будет вот этот предмет.

Он освободил от стульев место посередине зала, оставив только моего партнёра – изящное кресло с гнутыми ножками. Я понимающе кивнула. Хории-сан за время моего собеседования с продюсером не проронила ни слова, лишь изредка поглядывая на меня и утвердительно покачивая головой.

Воцарилась тишина и я склонилась над текстом. Реплики были достаточно длинные. Первое слово я поняла мгновенно, потому что хорошо освоила третий вид японской письменности «катакана», на которой писались иностранные слова. «Congratulations! Поздравляю!» Второй вид письменности

сти – «хирагана» – тоже присутствовал, но его было слишком мало, чтобы догадаться, кого и по какому поводу я должна поздравлять. Остальное же составляли десятки китайских иероглифов и я, как уже повелось, глядела в них, как бабуин в ДДУ¹⁰. Поискала хоть какие-нибудь из идеограмм, которые привыкла видеть в прогнозах погоды или на указателях скоростных дорог в Тохоку. Напрасно. Не было также иероглифов, обозначающих рыбу, рис и молоко.

Скоро все чёрточки, палочки, перекладины и загогулины стали сливаться в тёмное месиво, и у меня зарябило в глазах. Потом перед носом заплясали отвратительные белые мушки и к горлу подступила тошнота.

Иероглифы выстроились в агрессивно настроенные ряды, объявляя мне войну. Их полководцы, застав врага, то есть меня, врасплох, использовали стратегию, основанную на отсутствии у противника тяжёлого орудия, такого как Гугл и его автоматический перевод. Уже слышались победные крики «Банзай!». Я падала на поле боя. И вдруг тихий голос Хории-сан, как плач над моим телом, произнёс: «Госпожа Аш, осталось пять минут! Вы готовы?» Я прошептала: «Да, готова! («А точнее, мне – хана», – добавил внутренний голос.) Только есть два-три иероглифа, которые я ещё не встречала, читая японские газеты...»

За пять минут менеджер вернула меня к жизни, произнося, как семечки щёлкая, даже наисложнейшие иероглифы,

¹⁰ Договор долевого участия.

состоящие из нескольких десятков чёрточек и загогулин. После чего я сразу прониклась к ней уважением, несмотря на то, что она скрывала от меня размер гарантий.

Поздравлять я должна была Мураниши-сан за то, что у него была такая прелестная невеста. Далее мне надо было сильно удивиться, что жених и невеста держатся в столь почтительном отдалении и, верх моей прозорливости, игриво назвать влюблённых «melo-melo», сладкой парочкой. Это было странное совпадение, прикол потусторонних сил! В Синкансэне, ещё ни о чём не ведая, я мгновенно окрестила главных героев пока неизвестной мне театральной постановки сладкой парочкой!

Накамура-сан жестом указал на одиноко стоявший посреди зала стул с гнутыми ножками. Я распахнула руки, готовясь заключить его в объятия и радостно воскликнула: «Congratulations!» Стул как стоял, так и стоял, никак не реагируя на мои поздравления. Я ещё раз воскликнула «Congratulations!» и стала держать паузу... лишь потому, что напрочь забыла свои слова! Хории-сан благожелательно суфлировала, но я не могла расслышать подсказок из-за дальности её дислокации.

Пауза затянулась, и во взгляде Накамуры-сан появилось сожаление. Чувствуя полный провал, я по привычке вошла в состояние индифферентности к окружающему и наплевательского отношения к безвыходной ситуации. В результате этого растерянность моя уступила место полному расслабле-

нию, игривости, шаловливому красноречию. И я стала шпарить не по тексту!

Как чистокровная леди, я приблизилась к стулу, и протянула ему руку для поцелуя. Стул, кажется, от удивления покачнулся на гнутых ножках, но руки мне не поцеловал. И вдруг медленно растворился в воздухе. Передо мной стояла влюблённая пара с рекламной программки. Мураниши-сан завораживал ласковыми янтарными глазами. Его счастливая избранница держалась за корабельный штурвал и обворожительно улыбалась. Я легонько пожала господину Мураниши руку, погладила по плечу избранницу, и с английским акцентом произнесла речь:

– Господин Мураниши, примите мои сердечные поздравления! У вас очаровательная невеста и безупречный выбор! Кроткий взор и лучезарная улыбка этой девушки, без сомнения, сделают вас счастливейшим из мужчин! Но почему же вы с невестой стоите так далеко друг от друга? У нас в Англии помолвленная пара предстаёт перед гостями под руку. Обнимите любимую, не стесняйтесь! Ха, ха! Все гости, приглашённые на празднование вашей помолвки, желали бы видеть вас в тесном единстве! О! Вы на удивление сладкая парочка!

Хории-сан утвердительно закивала. И, как мне показалось, бросила победный взгляд на продюсера.

Ни один мускул не дрогнул на лице Накамуры-сан. Лишь, как австрийский император Иосиф II, прослушавший оперу

Моцарта и воскликнувший «У вас слишком много нот!», он произнёс:

– Госпожа Аш, у вас слишком много слов! Когда выйдете на сцену, говорите, пожалуйста, только то, что написано в сценарии. Сможете?

Я ответила:

– Выучу и смогу!

Упомянув о выходе на сцену, продюсер уже использовал не условное наклонение, а будущее время. Значит, меня взяли на роль? Настроение улучшилось.

После тестирования Накамура-сан сделал некоторые пояснения закулисных обычаев японского театра. Извиняющимся тоном он сообщил, что в гримёрных нет стульев, и сидеть нужно по-японски, на циновках.

– Вас это не затруднит?

– Нет, что вы, Накамура-сан, совсем не затруднит! Я и дома у себя всегда сижу на циновках!

На самом деле дома у меня не было циновок, а в японских ресторанах высидеть даже полчаса на полу, подогнув под себя ноги, было мукой. Я ёрзала, вытягивая их так и сяк, растирала, массировала, а дешёвый пластмассовый стул с жёсткой спинкой казался мне оттуда предметом роскоши.

– Наша корпорация обеспечивает актёров ланч-боксами на обед в те дни, когда спектакль играется и утром, и вечером. Любите ли вы японскую кухню?

Я честно призналась:

– Люблю, если в блюде нет мяса.

Очень хотелось добавить, что не ем я ни суши, ни роллов, ни нарезанное филе сырой рыбы «сасими», так как сырая рыба содержит мышьяк и ртуть, а самое главное, грозит заражением паразитами. Также водоросли не ем, потому что они застревают в зубах. И крабов вообще не ем, потому что их бросают живыми в кипящую воду и мне их жалко. Но в Японии никогда ни в чём честно признаваться нельзя. Ни друзьям, ни тем более официальным лицам, потому что от честных признаний они теряются. Растерялся и Накамура-сан.

Хории-сан выручила:

– В японских ланч-боксах мяса почти нет, подаются в основном суши, сасими, роллы и крабовое мясо. Ну и, конечно, рис.

Вопрос о питании был урегулирован. Оставалось только вновь рассыпаться бисером, благодаря продюсера и их корпорацию за заботу об актёрских желудках и, по ходу дела, отметить, что в театрах Европы нет такой услуги, как комплексные обеды, и что каждый актёр наспех питается чем попало: гамбургерами, бутербродами с камамбером и рокфором, ест жареную картошку-фри, пирожные, если позволяет вес, копчёного жирного лосося, балуется красной и реже чёрной икрой и прочими вредными продуктами европейской кухни.

Прощаясь у метро, Хории-сан сообщила мне хладнокровно:

– Вы же в курсе, госпожа Аш, что в Японии нет дублирующих актёров. Поэтому выход на сцену обязателен при любых личных обстоятельствах.

Нет, я была не в курсе. При каких таких личных обстоятельствах? При температуре выше 40? А как насчёт гриппа или желудочного вируса? И даже если что-то случается с близкими и родными? А если актёр ломает ногу?

Для уточнений не было времени. Дав мне информацию к размышлению, Хории-сан уже поглядывала на свои бриллиантовые часики.

– Да-да, поняла, буду стараться, – послушно произнесла я. Менеджер вошла в поезд метро, а я осталась на перроне, провожая её удачно сыгранным благодарным взглядом и очень искренней дежурной улыбкой.

Ехать мне надо было в противоположную сторону. К вокзалу Син-Осака.

* * *

Обратный путь в Тохоку я проделала по тому же сценарию, что и накануне: сезон дождей так же горько оплакивал вековое одиночество Фуджиямы, а ветер подхватывал его слёзы и шлёпал их в стёкла скоростного поезда Синкансэн, в котором давилась едва сдерживаемыми рыданиями я, маскируя от любопытных пассажиров свой размытый макияж и кислую физиономию. Изменился лишь второй акт: при пе-

реходе на вокзале Токио с линии Токайдо на линию Тохоку кровожадная стрелка-указатель линии Собу, доставляющей народ в международный аэропорт Нарита, уже не устраивала мне пыток и не загоняла под ногти и в сердце своё карачущее остриё. Мой мобильный телефон, как верный страж и преданный друг, хранил в себе файл с только что купленным электронным билетом на вылет к родителям, восемнадцатого числа.

Глава 3

Теперь я рыдала уже не прячась и не маскируюсь. Над телом папы. Мама стояла за моей спиной и строго шептала: «Не наваливайся на него, Лара!» А я ещё крепче обнимала папу, ложась ему на грудь. На его лице красавца-мужчины не было ни малейшего намёка на те страшные муки, которым он подвергся при кончине. Выражение достоинства и благодати покрывало светлым саваном черты родного лица. В какой-то момент, когда мои причитания достигли апогея, я ясно увидела, как папа слегка покачал головой, как бы уговаривая меня: «Нет, не надо, доченька!»

Из-за поездки в Осаку для пробы на роль английской аристократки я опоздала домой ровно на один день. Опоздала выразить умирающему отцу свою любовь и привязанность, опоздала облегчить предсмертную агонию, крепко сжать его руку, провожая в небытие.

Кажется, тогда, в поезде Синкансэн, в глубины моего подсознания неизвестно откуда был послан сигнал о грядущем горе, а сознание тупо включало механизмы защиты от внешней психической аномалии, не поддающейся его всемогущему контролю. Этот всемогущий контроль, мой господин и диктатор, пытался взять власть в свои руки. Его эгоизм строил на своих зыбких песках грандиозные замки, которые слепили мне глаза, делали сердце каменным. И всё же

подсознание, принявшее сигнал надвигающегося горя, подняло тревогу. И вот тогда, совершенно необъяснимо на сознательном уровне, чувство вины выплеснулось из меня потоками слёз и рыданий.

«Не наваливайся на него, Лара!» – снова слышался голос мамы. И крышка гроба, как бесстыжая любовница, навсегда увела у меня отца.

В детстве мне здорово от него доставалось. Хотя я и была прилежной школьницей, а в подростковый период не сильно трепала родителям нервы и не устраивала истерик из-за завышенных требований в области карманных денег, дорогостоящей одежды и сексуальной свободы. Ну да, целовалась с первым своим парнем в подъезде до полдесятого, хотя папа строго-настрого наказал мне возвратиться домой ровно в девять. За это я получила от него в глаз, и синяк от удара сделал меня похожей на одноглазого мишку-панду.

Но что бы ни случилось в нашей бурной семейной жизни, перед тем как папа обзавёлся второй семьёй, а затем и третьей, и как бы я ни возмущалась, будучи юной и несмышлёной, его насильственными методами воспитания, повзрослев, я оправдала и простила отца.

В третьем браке у него родилась дочь, моя сестра Юлия. В то время он уже был в преклонном возрасте, карьера и женские юбки больше не баламутили его психику, взявшую курс на накопление мудрости. Поэтому Юлии повезло больше – папа баловал младшую дочь, лелеял её и бил совсем редко.

Возвратившись однажды в родной город, я увидела отца немощным пенсионером, безвольным, уставшим от жизни, с печалью в глазах, которые молили о любви. И я не отыгралась за детские свои синяки и побои. Потому что элементарно, кровно любила его. И когда он был молодым, властным, авторитарным, и тем более, когда старость начала втихую унижать его достоинство. Отец в то время уже прошёл сложный процесс переоценки ценностей, и понял наконец, что любовь детей – это великая ценность, остов для душевного покоя, освобождение от тирании чувственного зова и от деспотизма материальных благ.

А вот брат мой никак не мог простить папу за насилие над нами и над мамой в течение восемнадцати лет совместной жизни. И тогда я стала заботиться о пожилom папе и любить его за двоих: за себя, и за брата.

В последующие после похорон дни мне стали сниться многосерийные сны. Будто папа с большим трудом и в терниях пытался подняться по лестнице куда-то вверх. Каждая ступенька давалась ему мучительно трудно. И я слышала явственно его голос: «Доченька, мне плохо!» В следующей серии он достиг лестничного пролёта и оказался перед двумя дверями. Одна из них вела наверх. Другая вниз.

Проснувшись, я горячо молилась о прощении своих собственных грехов, ошибок и эгоизма, а также за ошибки родителей. Ставила свечи и, обращаясь к небу, приводила множество доводов в оправдание своего отца. Во сне опять ви-

дела его страждущим, боящимся сделать неправильный выбор и войти не в ту дверь. Наутро снова молилась о спасении его души. И наконец последняя серия, или скорее радиопостановка: я услышала упокоенный голос папы, всего одну реплику: «Спасибо, дочь». На этом сериал закончился, и, по моему, хэппи-эндом. Уф-ф-ф...

Гематома на голени мамы так и не заживала. Я возила её в клинику, где ей прописали разные мази, примочки, таблетки, в том числе и лекарство, разжижающее кровь. Был риск того, что сгусток крови, тромб, из гематомы может оторваться и закупорить сердечную артерию.

Не помню, что я делала в гостиной, сидя в кресле напротив горшка с ухоженной дифенбахией, стоящей на ажурной подставке для цветов. То ли склонилась над книгой, то ли штопала купальник... Слышала, как через гостиную в спальню проходила мама. И дифенбахия вдруг дифенбабахнулась с подставки, а земля из горшка рассыпалась по ковру. Мама виновато засуетилась, оправдываясь, что даже близко не подходила к растению. Ворча, я собрала руками землю и прочистила ковёр. Дифенбахию водрузили на прежнее место, тщательно проверив устойчивость горшка на ажурной подставке. Растение много лет стояло на этом месте и никогда не падало, даже при наличии приходящей в гости вездесущей малышни.

Чуть позже мама проходила мимо меня и дифенбахии, чтобы включить телевизор, старательно обходя ажурную

подставку, насколько это ей позволяла полнота и стоящий напротив сервант с посудой. Горшок упал вновь. И опять ковёр превратился во вспаханную целину.

Мама и я были на грани слёз. Мама – потому что была суеверной, и сырая земля пугала её. Я суеверной не была. Просто не хотелось ещё раз сгребать в кучу и утрамбовывать землю в горшке. Погружать руки во влажную почвосмесь, где наверняка водились сороконожки и червяки, крайне неприятно. Да и ковёр, по всей видимости, придётся отдать в химчистку.

* * *

В конце августа рано утром мама разбудила меня криками:

– Лара, быстро! Звонок из Японии! Я ничего не понимаю! Слышу только: «Госпожа Аш!»

Звонила секретарь агентства «NICE». Она торжественно объявила о том, что продюсер «Камелии на снегу» господин Накамура утвердил меня на роль английской леди. Мой компас прекрасно сработал даже спросонья, и, прочистив горло, я рассыпалась благодарностями за оказанную мне милость, отвечивая, по инерции, поклоны... телефонному аппарату.

Мама, застыв, наблюдала.

Секретарша наказала мне связаться с агентством сразу же по возвращении в Японию, в начале сентября.

Честно говоря, я уже и не знала, радоваться мне утверждению на роль, или нет. Дело в том, что кончина папы нанесла удар по моим планам в артистической карьере. А чувство вины перед ним за то роковое опоздание ровно на один день дало увесистую оплеуху захватывающим дух амбициям, сорвало венчик славы над моей головой, превращая его в терновый венец, вонзающий колючки мне в лоб и в виски, до жгучей боли, до крови.

Та безысходность, охватившая меня во время траура по папе, как тяжёлая ноша, легла на плечи, сбросила с заоблачных вышей актёрской славы, пригвоздила к земле. Бессилие что-либо изменить, вернуть папу, доводило меня порой до бешенства. Я бунтовала против ярких солнечных дней, которые слепили мне глаза, и в ярости задёргивала шторы. Музыка, гвалт телевизионных программ, веселье соседей по поводу дня рождения или бракосочетания резали слух, и я затыкала уши смоченной в воде ватой. Приходили знакомые, соболезновали, но я чувствовала в их голосах фальшь, поскольку все они осуждали отца за его хаотичную, неправильную, по их словам, жизнь. Тётя Регина даже посмела успокоить меня следующими словами: «Перестань горевать, кончина папы – это ведь не кончина мамы!» Я с тревогой взглянула на маму. Нет, она не услышала. Она обсуждала по телефону с третьей женой папы меню на поминальный обед «сорока дней».

Просыпаясь утром, я больше не слышала пения птиц. Их,

видимо, истребил какой-то вирус, и они навсегда исчезли с лица земли, сделав флору и фауну безжизненной.

Смазывая лечебной мазью гематому на голени, мама вспоминала и хорошее и плохое в их супружеской жизни с папой. Я интуитивно чувствовала, что она всё ещё не простила его за их развод, за тех женщин, с которыми он ей изменял, за жестокое обращение с родными детьми. Я понимала маму, но молчала, потому что забыла всё плохое и помнила только хорошее. Меня волновало другое. Назвавшись в Осаке груздем – я должна была лезть в кузов, и на три месяца спектаклей не иметь личных обстоятельств. Но незаживающая уже два месяца гематома на голени мамы угрожала бедами, и я решила предупредить её, чтобы она больше не залезала на табурет и не падала, потому что перелом шейки бедра может стать роковым для человека пенсионного возраста. Но говорить мне надо было намёками, «на прямоту» я высказываний не делала.

– Будь предельно осторожна в эти три месяца, потому что если что случится с ногой или... ну... то сразу приехать я не смогу, – уклончиво объяснила я маме.

– Нет, и на табурет лезть не буду, и с лестницы в подъезде не свалюсь. Не волнуйся, ног не переломаю. А если что-то достать из верхних шкафов, то попрошу Игоря, – напрямую, без обиняков, успокоила меня мама. А Игорь – это был сын тёти Регины со второго этажа.

Из Тохоку нам часто звонил для поддержки верный друг и джентльмен Огава-сенсей. Он был также моим советчиком по делам женским и разным. Придя однажды на консультацию к Огава-сенсею, я оказалась в плену эрудиции, профессионализма и шарма немолодого гинеколога. Кроме того, он был очень симпатичен моей маме, потому что как-то раз, когда она гостила в Японии, он признался, что если бы не был женат, то обязательно женился бы на ней. О, этим он навсегда покорила истерзанное изменами сердце мамы!

За свою долгую медицинскую практику Огава-сенсей помог родиться десяткам тысяч младенцев, ни разу не совершив врачебной ошибки. С первого осмотра, усадив пациентку в гинекологическое кресло, сенсей уже знал о её личной жизни всё. С помощью зеркала Куско¹¹ он раскрывал «внутренний мир» женщины, и по нему, как хиромант по руке, исследующий линию любви, линию чувственности, пояс Венеры, холм Аполлона, большой треугольник, гинеколог прослеживал жизненный путь и сердечные неурядицы пациентки.

Я уважала Огава-сенсея и за то, что он владел недоступ-

¹¹ Зеркало Куско – в гинекологии медицинский инструмент, применяемый при профилактических осмотрах и при проведении небольших хирургических операций.

ной мне жуткой тайной, знал то, чего не знала о себе самой я. Тайной «большого треугольника». Сидя в баре за бокалом вина, я шутиливо пыталась Огава-сенсей:

– Ну и как там у меня с линией любви, холмом Аполлона, поясом Венеры?

Властелин треугольников однозначно отвечал:

– Красавица.

– А у госпожи К.? – не унималась я, имея в виду знаменитую японскую актрису, приезжавшую к нему на консультации из Токио.

– Это врачебная тайна.

Лишь только пациентка входила в его кабинет для профилактического осмотра на предмет выявления онкологических заболеваний, сенсей уже видел по её лицу, есть они у неё или нет.

Ничего не боящийся хирург и гинеколог Огава-сенсей испугался в своей практике только один раз. На приём к нему после любовных игр примчалась барышня с жалобами на раздражающие «внутренний мир» симптомы. Раскрыв этот самый мир расширителем, бесстрашный доктор вдруг увидел в женском «треугольнике» своё собственное лицо! И единственный в жизни раз он вскрикнул и отшатнулся от чертовщины... И перекрестился бы, пожалуй, приговаривая: «Изыди, сатана!», если бы не был буддистом. Оказалось, что распалённый утехами супруг засунул внутрь партнёрши серебряную крышку от баночки 50 мл крема для лица, кото-

рая распирала ничего не помнящую от экстаза барышню и филигранно отражала лик опешившего гинеколога.

Не считая десятков тысяч новорождённых, чего только не извлекали золотые руки сенсея из вагин пациенток! И куриные яйца (сенсей не уточнял: сырые или варёные), и крупные головки кроваво-красных гвоздик (очевидно, сорт гвоздики Шабо «Огненный Король» или «Микадо», диаметром до 12 см), овальные куски пемзы и других скрэбов для ног, рюмочки для sake, мини-мыльницы, одноразовые тубики с кремом для бритья, бутылочки с гелем для душа, шампунями и лосьонами и многие другие подручные БДСМ-аксессуары, которые господа доминирующие иерархи засовывали в нутро любимых женщин в разгар «экшенов». Правда, в данном перечне извлечённых из вагин штукоев отсутствовали наручники, клизмы, колесо Вартенберга, орудия порки, расширители для урологического и проктологического осмотра, ремни, хлысты и плётки. Наверное, их ещё не продавали в то время в токийских секс-шопах и, о, пречистая дева Мария, золотым рукам Огава-сенсея крупно повезло.

Много раз я убеждалась на своём личном опыте и на фактах из жизни общих знакомых, что врач от бога Огава-сенсей обладал даром ясновидения. Однажды, после концерта звёзд аргентинского танго, мы с хорватской подругой Рубеной и двумя японскими девушками были приглашены Огава-сенсеем на ужин в итальянский ресторан. Сенсей впервые видел Рубену и, как мне показалось, мгновенно увлёкся ею. Он си-

дел напротив Рубены, и не сводил с неё глаз. Всё было логично. Средиземноморская красота хорватки, то есть каштановые вьющиеся волосы, карие глаза, сверкающие в ресторанном полумраке, точёное лицо и фигурка могли сразить наповал даже таких крепких, женатых до зубов оловянных солдатиков, как сенсей. Одно только смущало меня в его пристальном взгляде: он выражал не столько восхищение красотой моей подруги, сколько неясную тревогу, дискомфорт (по моим предположениям) от чар Рубены, беспокойство (как я думала) в преддверии сильных чувств.

Сама я оживлённо беседовала и смеялась с японскими девушками, но краем уха слышала обрывки беседы Рубены и опытного врача Огава. Сенсей произнёс:

– Рубена-сан, вас ничто не беспокоит по-женски? Вы могли бы, между прочим, прийти ко мне на консультацию...

– Благодарю вас, Огава-сенсей! И хоть я и не люблю женских консультаций... как бы лучше объяснить... ну, по причине застенчивости, сами понимаете... Честно признаться, я не консультировалась уже лет пятнадцать... да, пятнадцать... с самого рождения моего сына... но непременно воспользуюсь вашим любезным приглашением, – оправдывалась Рубена.

Ага, подумала я с лёгкой ревностью, властелин треугольников уже возжаждал прощупать у Рубены холм Аполлона и пояс Венеры! Наверное, тоже однозначно скажет: «Красавица!»

Японские девушки обсуждали поездку на три дня и две ночи в Токио, и я присоединилась к их спорам, в каком отеле лучше забронировать номер.

Взгляд сенсея становился всё тревожней, хотя обсуждаемые ими темы были самыми что ни на есть обыденными, не медицинскими.

Сенсей спросил, как зовут сына Рубены. Она назвала имя. И тут врач допустил бестактность:

– По-немецки это имя звучит как рак, злокачественная опухоль.

Рубена смутилась, не зная, что и ответить. А я в свою очередь тоже допустила бестактность и по-дружески вонзила под столом свой каблук-шпильку в ботинок сенсея.

Рубена рассказывала ему о лазурных берегах моря в Хорватии, а сенсей, с сочувствующим лицом, возвращался к теме онкологии.

Ещё два раза мне пришлось толкать его ногой под столом, потому что ещё два раза он произнёс это страшное, мерзкое слово «рак».

В это трудно поверить, но через две недели у Рубены вздулся живот и она попала на осмотр к гинекологу центральной городской больницы. Тот поставил диагноз: злокачественная опухоль яичников, четвёртая степень, с метастазами в брюшную полость. Оказывается, у Рубены года три уже не было критических дней, а она по неведению думала, что у неё ранняя менопауза и держала всё в тайне. Онколо-

гия яичников – коварное заболевание, как сообщил нам потом Огава-сенсей. Не даёт ни тревожных симптомов, ни боли фактически до последней стадии.

Не прошло и года, как моей кареглазой подруги не стало. В юности как-то хорватская гадалка, посмотрев на её ладонь, предсказала Рубене раннюю смерть. Так и легло. Рубена скончалась в возрасте 41 год. Она была необычайно красива в день погребальной церемонии, засыпанная белыми гвоздиками, улыбающаяся чарующей своей широкой улыбкой. Огава-сенсей, видевший, по роду своей профессии, множество мёртвых тел, признался, что никогда не встречал такой ликующей улыбки у покойников. И однозначно добавил: «Красавица».

* * *

В очередном телефонном разговоре Огава-сенсей попросил меня купить в магазине много цветов и положить их от его имени на могилу папы.

Мой отпуск заканчивался, и я всё чаще обнимала маму, умоляя не печалиться из-за моего отъезда и обещая приехать быстро, всего через четыре месяца, до новогодних праздников.

Назвавшись груздем, я готовилась лезть в кузов. Сначала вяло, но затем завелась. Купив несколько учебников по актёрскому мастерству, и в первую очередь по системе Ста-

ниславского, я упражнялась, обучаясь на театральную «звезду». Мама говорила, что у меня это получается, как у Катрин Денёв. Потому что слепо верила в меня, в мою уникальность. Потому что пуповина, обрезанная при моём рождении, всё ещё пульсировала, связывая нас с мамой узами тихой, без громких слов, вечной любви.

Глава 4

Снова скоростной поезд Синкансэн мчал меня к лаврам. Для противостояния личным обстоятельствам я вооружилась медикаментами от высокой температуры, антибиотиками от кишечных вирусов, лекарствами от тошноты, рвоты, а только что сделанная Огава-сенсеем противогриппозная вакцина уже вырабатывала в моей крови антитела, образуя защитный иммунный ответ.

Я нашла себе замену – преподавателя французского языка и культуры, и договорилась с администрацией университета об отпуске на полгода. По правде говоря, я была убеждена в том, что больше в университет не вернусь.

Мысли о смене профессии наседали. Мой верхний господин – сознание – щекотал мне нервы, бил по самолюбию, заставлял встать в позицию «из пешек в дамки». Окружающие меня в Тохоку милые, добрые, не знаменитые люди стали казаться чрезвычайно скучными, с мелочными желаниями и приземлёнными требованиями к жизни. Кто-то каждое утро с удовольствием выбивал на балконе матрасы «футон» и любовно развешивал бельё, кого-то заедали распри с родственниками из-за дележа наследства, кто-то бегал по магазинам и покупал дорогую бижутерию и брендовские сумки, потому что не имел другой, высшей цели.

Обучая своих студентов условному наклонению француз-

ского языка, я разочарованно констатировала тот факт, что девятнадцатилетние девушки и парни не в состоянии предъявить жизни дерзкий ультиматум. С третьего курса их терзали страхи не найти после университета работу, и это плачевно отражалось на условном наклонении. После тщательного раздумья, дома, со словарём, они выдавали мне фразы типа: «Если бы я была волшебницей, то с лёгкостью нашла бы работу ответственной за производство бантиков для плюшевых кошечек Кити-чан». Или: «Если бы у меня была волшебная палочка, то я взмахнул бы ею и попал на работу в агентство по недвижимости». «А не хотели бы вы стать личным переводчиком премьер-министра?» – задавала вопрос я. «Или работать боссом на первом канале телевизионной корпорации NHK?» Тут мечты моих студентов буксовали, и они отрицательно качали головой. Нет, сенсей, не хотели бы. Ну да, я ставила им «отлично» за грамматически правильно построенные фразы, а сама подводила печальные итоги условного наклонения: «Рождённый ползать, летать не может!»

Некоторые милые девушки мило говорили: «Когда я окончу университет, мечтаю выйти замуж и стать домохозяйкой». Слово «домохозяйка» звучало как-то не актуально, без претензий, не по-бойцовски. И я быстренько переключалась на других студентов.

Быть домохозяйкой в Японии почётно, совсем недурственно. С одной стороны, это означает свободу от иерархии

на рабочем месте. С другой стороны, на мой взгляд, статус домохозяйки ведёт к рабству, зависимости от мужа и детей, к кабале пылесоса, стиральной машинки и кухонной плиты.

Условное наклонение позволяло управлять громом и молнией, запускать мотор грёз в космические дали, поворачивать вспять реки. Но для моих немногословных студентов оно было просто сотрясением воздуха, трепологией.

Встречалась молодёжь и с альтруистическим настроем, глобально переворачивающим мои требования к французской грамматике. Смотря в тетрадку, один парень со смущённой улыбкой раскрыл свои чаяния: «Если бы я успешно окончил университет, то хотел бы работать в пансионате для престарелых, чтобы заботиться о них». Умница! Поставлю тебе на экзамене высшую оценку 100/100.

* * *

Я разглядывала программку спектакля «Камелия на снегу», присланную мне секретаршей агентства «NICE». На ней Нагао-сан, лукавый капитан с ласковыми янтарными глазами, так же стоял за штурвалом судна рядом с неотразимой суперзвездой японской сцены Фуджи-сан. В самом низу программки теснились фотографии других ведущих актёров, занятых в спектакле. Я рассматривала их лица и думала: «Какие они, должно быть, интересные. И скоро я буду среди них! После спектаклей мы всей труппой будем ходить в рестора-

ны, выпивать, кто – sake, кто – вино, и из наших разговоров я буду постигать то разумное, доброе, вечное, что доносят они до зрителей в своих замечательных ролях»

Среди VIP¹²-актёров «Камелии» был и японский комик Одзима. Я видела его в телепередачах, и этот редчайший самородок юмора всегда вполне органично заставлял публику хохотать. «Вот уж нам будет весело с Одзима-сан!» – представлялось мне.

Иногда тоска по ушедшему папе отступала и я распахиwała шторы, чтобы видеть солнце. Сочная палитра осени уже тронула кроны деревьев в парке под моими окнами. Я слышала пение птиц! Оказывается, тому яду, который их истребил во флоре и фауне, нашлось противоядие. И звуки музыки перестали резать мне слух. Даже наоборот. Слушая классические концерты, или рок и поп-музыку, я чувствовала, как они возбуждают во мне жажду творчества, перевоплощения, непреодолимую тягу к блеску, шарму, соблазну.

* * *

Синкансэн подъезжал к Токио. Я теребила в руках ксерокопию своей роли, состоящей из шести реплик, не считая восклицания «Congratulations!». С помощью японской подруги я подписала латинскими буквами под иероглифа-

¹² VIP или Very Important Person (англ.) – высокопоставленное лицо, человек, имеющий персональные привилегии и льготы из-за своего высокого статуса.

ми их транскрипцию. И потихоньку учила слова английской аристократки, прикидывая, смогу или нет раскрыть грани актёрского дарования благодаря такому скудному словарному запасу. Хотя, почему бы и нет? Прославился же по всей Японии семилетний мальчик из агентства «NICE», произнеся лишь два слова «Папа, вернись!» в рекламе для строительной компании. Первоклашка, а додумался произнести их так, что вся Япония плакала! А я, большая и с дипломами, разве не смогу? Между репликами есть паузы, а их тоже нужно уметь держать так, чтобы зрители плакали и смеялись.

Секретарша госпожи Хории прислала мне по почте текст «Камелии на снегу» и подробную информацию о гастрольных показах пьесы.

Труппы в Японии в большинстве случаев сборные, а составляют в них актёров крупные и не очень агентства по шоу-бизнесу. Здания театров арендуют в зависимости от масштаба спектакля, вложенных в него средств и, конечно, величины компании, продюсирующей постановку. «Камелию» продюсировала известнейшая кинокомпания. Игра велась по крупному. В спектакле были задействованы пятьдесят актёров. Из них пять звёзд, несколько VIP-персон японской сцены, множество опытных актёров средней значимости и... четверо зарубежных не VIP-персон, включая меня. Вот это-то и являлось смелым новшеством организаторов «Камелии на снегу». До этого путь на японскую сцену иностранцам был

закрыт, и роли европейцев в постановках исполнялись отечественными актёрами. При высоком уровне реквизита это не представляло особых трудностей: белокурых париков было сколько угодно, а остальное дополнял грим.

Я сгорала от любопытства, кто же были эти зарубежные везунчики, дама и двое парней, допущенные, как и я, на большую японскую сцену? Особенно меня интриговала дама. А вдруг она француженка и мы станем приятельницами, обе говоря по-французски. А если это американка или немка, то мои знания разговорного английского вполне удовлетворительны для дружеского общения за кулисами и вне.

Программа была следующей: месяц (без малого) подготовки пьесы на репетиционной сцене, где-то на окраине Токио. А окраину выбрали наверняка для ограждения звёзд и VIP-кадров от назойливых поклонников. Дальше, в следующем месяце все перемещаются в Осаку, в тот шикарный и безразмерный храм, театр Эмбудзё, который со скрытой гордостью показывал продюсер Накамура-сан, и где меня чуть не «завалили» преступные группировки китайских идеограмм. Затем триумфальное возвращение в Токио, и ещё почти месяц гастрольного показа в Большом токийском театре на Гинзе¹³. Итого: три месяца театральной магии, интересных встреч и блеска под софитами! Я не сомневалась

¹³ Гинза – фешенебельный район Токио с бесчисленным количеством бутиков, высококлассных универмагов, ресторанов, баров и клубов. Считается одним из самых роскошных торговых районов мира.

в своих данных, ни в драматических – благодаря досконально проштудированной и отрепетированной системе Станиславского, ни во внешних – большие серо-голубые глаза и золотистые волосы до пояса были культовыми для генерации «манга и аниме».

Забронировав, за свой счёт, номер в отеле неподалёку от Гинзы, я намеренно ехала в Токио за день до сбора всей труппы и первой читки. Мне хотелось побродить одной по токийским улицам, не раздавая (пока) автографов, и не надевая (пока) чёрные очки и кепку. В этом же отеле руководство киноконцерна забронировало и оплатило мне номер на последующие двадцать пять дней и ночей репетиций.

В Токио шёл дождь. Получив на ресепшен¹⁴ три больших чемодана с вещами и разобрав их в номере, я поехала в Одайба, район небоскрёбов и торговых центров, соединённый с центром Токио Радужным мостом. И настроение у меня было радужное. В уютном салоне кафе, у окна с видом на Токийский залив я пила кофе и наблюдала за прогулочными катерами и баржами. Мимо проплывали два катерка. «Эй, вы, там! – кричала я им по-японски внутренним радужным голосом. – Congratulations! Позвольте выразить вам сердечную благодарность за то, что пригласили на романтическое празднование вашей помолвки! Но что же вы стоите так далеко друг от друга? У нас в Англии жених и невеста представляются гостям под руку... О, господин Мураниши, у вас

¹⁴ Ресепшен (от англ. reception) – административная стойка в отелях.

такая прелестная возлюбленная! Ну-ну, не стесняйтесь, обнимитесь! Вы удивительно сладкая парочка!» Отлично! Ни одной запинки! Выучено назубок!

Потом я принялась размышлять, что же надеть назавтра. Чёрную классику, или фэнтези из парижского бутика?

Зазвонил мобильный телефон, и мужской голос беспокойно спросил, имеется ли у меня спортивный костюм, просторный, желательно чёрного или тёмно-синего цвета. А зачем он мне? Я же не собираюсь бегать по утрам в сквере рядом с отелем. Это звонил сотрудник агентства «NICE».

– Простите, сэр, но о спортивном костюме госпожа Хории ничего не говорила.

– Госпожа Аш, произошло недоразумение. Перед репетициями у нас актёры переодеваются в спортивные костюмы. Сходите, пожалуйста, в универмаг и приобретите.

А о размерах гарантий, положенных мне с завтрашнего дня, даже не заикнулся... Пришлось прервать гуляния и остаток дня посвятить поискам униформы для репетиций.

В Токио не так-то просто купить недорогой спортивный костюм. Во всяком случае, на Гинзе. Попадались стильные, выгодно подчёркивающие body line¹⁵, но все – дорогие. Набегавшись по магазинам, я в отчаянии, и ввиду того, что всё уже закрывалось, «схватила» лишь верх – спортивную курточку, скромно отделанную по бокам и по кромке капюшона чёрным и серебристым кружевом. «А вниз надену тёмно-се-

¹⁵ (англ.) Линии женского тела.

рые джинсы со стразами», – махнула рукой я. «И вообще, странное дело, к чему на репетициях бесформенные спортивные костюмы?»»

Помощник Хории-сан ещё раз позвонил, чтобы удостовериться в наличии у меня робы для репетиций. А заодно подробно объяснил, где мне завтра ровно в восемь утра требуется ждать Хории-сан, чтобы вместе ехать на первую застольную репетицию. Туда, на окраину Токио.

Из-за отсутствия информации о размерах гарантий, я наспех поужинала в забегаловке возле отеля и пошла спать.

* * *

Уснуть я не смогла. В голове роились честолюбивые думы, прокладывающие Радужный мост через залив Славы. У меня отчётливо проявлялись симптомы звёздной болезни. А лекарством от неё я не запаслась.

Глава 5

Когда мы с менеджером вошли в репетиционный зал, там ещё почти никого не было. Накамура-сан почтительно приветствовал и меня, и госпожу Хории. Затем любезно поинтересовался, хорошо ли я устроилась в отеле. Я рассыпалась в благодарностях за предоставление уютного номера в прекрасной гостинице, а также в который раз, широко улыбаясь своей самой лучезарной улыбкой, выразила глубокую признательность господину продюсеру за оказанную мне честь. Накамура-сан совсем не был похож на «акулу шоу-бизнеса». И вообще, имел вид отзывчивого, душевного человека, благоволящего к моей скромной не VIP-персоне.

Пока Хории-сан обсуждала что-то с продюсером, я окинула взглядом репетиционный зал с ровно расставленными стульями и уселась в первый ряд, чтобы хорошо видеть лицо и губы режиссёра и отчётливей слышать его голос. Разговорная речь воспринимается лучше, когда аудитивная функция сочетается с визуальной. А проще сказать – то, что слышишь, но недопонимаешь, прочтёшь на лице собеседника по его губам. Вот этого мне и хотелось.

Зал постепенно заполняли действующие лица в бесформенных чёрных или тёмно-синих спортивных костюмах. И все они садились на задние ряды. «Ну да, они ж хорошо понимают по-японски и им не надо смотреть режиссёру в

рот», – нашла объяснение этому я.

Дверь открывалась, появлялся актёр или актриса, они тут же низко кланялись в зал и произносили «ohayo gozaimasu» – доброе утро. Уже позже я узнала, что в театре «доброе утро» следует говорить при встрече друг с другом в любое время суток, даже поздно вечером, а о логике данного нюанса японской закулисной жизни приходилось додумываться самой. Наверное, это было что-то вроде суеверия: всем хотелось «рассвета» на сцене, а о драматическом «закате», добром вечере, как о сглазе, нужно было молчать.

Хории-сан закончила беседу с продюсером и пробежала взглядом по залу. Бровью не поведя, она шикнула на меня, сидящую в самом центре, на видном месте:

– Аш-сан, сейчас же сядьте на последний ряд! Это места для главных! И вообще, у нашего агентства очень хорошая репутация, скромность и знание своего места отличают всех наших актёров.

«О-о! – бурно возмутилась во мне демократия, несущая слоган «Liberté, égalité, fraternité»¹⁶. Что, опять? Опять иерархия доминирования и диктатура альфа? Здесь? В месте, являющемся ориентиром нравственности? В храме авангардного образа мысли? Выбрав омега-стул в последнем ряду за колонной, прячущей меня от режиссёра и мешающей обзору звёзд, я в душе пела «Марсельезу» и готовилась к взятию Бастилии.

¹⁶ (фр.) Свобода, равенство, братство.

Ряды «главных» всё ещё были пусты. До начала собрания оставалось минут двадцать. Возле меня ни с той, ни с другой стороны никто не садился. По всей видимости, в стаю меня не принимали... Это, наверное, из-за моей классной спортивной курточки с кружевом, обтягивающей бюст, и из-за клёвых джинсов со стразами, подчёркивающих body line. Надо было всё же купить бесформенный тренировочный костюм!

Дверь отворилась и в репетиционное пространство, запыхавшись, вторглись с криками «Hello!» двое американских парней лет под пятьдесят. В рядах японских коллег раздались смешки. Американцам кто-то беспардонно указал в глубину зала, и они уселись рядом со мной, не помещая свои длинные ноги в межрядье и упёршись коленками во впереди стоящие стулья. Ну ладно, в моей стае пополнение...

Парни громко представились Марком и Джонни, и по-панибратски принялись хлопать меня по плечу и даже обнимать... по-дружески. Японские коллеги, до этого сидевшие как на колу, вдруг расслабились, подражая американцам, и зашевелились. Спёртая атмосфера зала разрядилась и в воздухе запахло свежестью.

Я воспользовалась неожиданно выпавшим шансом и шёпотом пожаловалась парням об утаивании моим агентством размеров гарантий. Марк зашептал, что его менеджер сообщила ему о размерах на первом же собеседовании. И – о чудо! – без обиняков назвал саму сумму. А Джонни, прислан-

ный из другого агентства, подтвердил её размер.

Теперь у меня в базе данных находилась ценнейшая и секретнейшая информация о гарантиях, приличных, надо сказать. С этого момента Марк с Джонни стали для меня «своими».

Кроме всего прочего, Марк ненароком раскрыл мне топ-секреты агентств по шоу-бизнесу, в том числе и то, сколько процентов они удерживают из гарантий актёров. Целых 30! Одну треть! Так вот почему всё это время сотрудники «NICE», как агенты ЦРУ, увёртывались от моих вопросов о зароботке, ловко прикрываясь тем, что в Японии о нём, родимом, вопросов не задают!

Тяжкие мысли об изъятии госпожой Хории тридцати процентов из моих гарантий прервал блистательный вход зарубежной дамы с мелированными волосами, близкими к платиновому цвету. Она подняла руку вверх и широко помахала ею второму помощнику ассистента режиссёра, как будто тот был её близким другом или бойфрендом. Я сперва бросила взгляд на её спортивный костюм и вздохнула с облегчением: обтянула зад не я одна. И если нас уже двое, значит, я не испорчу себе карьеру подчёркнутым бюстом с чашечкой С и обтянутыми, усыпанными стразами бёдрами. Коллеги подумают, что в европейских театрах так и положено.

Вторая иностранная актриса, так волновавшая моё воображение, подошла к доске объявлений, подвешенной к стене у нас за спинами, что-то проверила и приблизилась к нашей

стае, ища свободный стул. Он был один. Рядом со мной, по правую руку. По левую сидели притихшие Марк и Джонни. Они пристально смотрели на открывающуюся дверь.

В зал вошла ничем не примечательная парочка. «Низы» вдруг затихли. Я поняла: явились «верхи». Господин в чёрной спортивной форме, смутно смахивающий на капитана судна с программки, а также его спутница, крупнокалиберная дама в лёгком хлопчатобумажном кимоно «юката» сели в первый ряд, прямо напротив режиссёрского стола, спиной к нам, низам. Далее парад звёзд продолжился... Японские коллеги-омеги на задних рядах стали переглядываться друг с другом и улыбаться. Ага, значит, только что вошедший пожилой дядечка – это сам знаменитый комик Одзима-сан. Ещё несколько знаменитостей и VIP-актёров пожелали всем доброго утра и расположились на почётных местах. Главный режиссёр Сато-сан посоветовался с господином Накамура, и открыл застольную репетицию. Времени на знакомство со второй зарубежной актрисой не было.

Приветственную речь произнёс господин продюсер. Десять минут он горячо благодарил всех членов труппы за огромную честь, которую они оказали одному из самых крупных отечественных киноконцернов, наилюбезнейшим образом согласившись участвовать в постановке «Камелия на снегу» и приносил свои глубочайшие извинения за то, что отвлёк их на три месяца от других славных, нужных зрителям, великолепных проектов. Наверняка многие из актёров

средней значимости мучились от не востребованности, испытывая творческий (и не только) голод, и не получая долгими месяцами ни ролей, ни гарантий. Вот они-то и слушали продюсера Накамура-сан с особым упоением.

Следующим встал Сато-сан, режиссёр. Он кратенько поблагодарил продюсера за оказанную ему честь, а также выразил надежду на то, что мы в дружном единстве создадим чудесное шоу. Извиняться ни перед кем не стал. У Сато-сан был вид очень занятого человека, который мягок и не кричит, но шуток шутить не любит, и при отсутствии ярко выраженного нервного режиссёрского голоса будет властно управлять постановкой. Видно было, что Сато-сан – пилот высшего класса.

Режиссёр представил труппе драматурга Инуэ-сан, автора «Камелии на снегу», даму с приятной улыбкой и ледяными глазами. «Как пить дать у авторши тоже звёздная болезнь», – думала я, пока она доводила до публики свой замысел. Тоже, небось, шесть месяцев назад испытывала сильный творческий голод из-за не востребованности. И вдруг такая удача – заказ крупнейшего киноконцерна на написание пьесы – ремейка нашумевшего европейского мюзикла. И теперь вот этот ремейк бережно держат в руках пять суперзвёзд, VIP-театралы и несколько десятков омега-исполнителей. О драматурге уже пишут в центральных газетах, и скоро тысячи зрителей будут аплодировать её гениальности. Госпожа Инуэ, как и некоторые лица в джинсах со стразами, тоже ме-

тила из пешек в дамки.

После этого режиссёр представил своего ассистента, ассистента своего ассистента, художника-сценографа, художницу по костюмам, дизайнера, декоратора, хореографа и весь технический персонал – их фамилий я все равно бы не запомнила и за три месяца.

Наступил черёд актёров, и Сато-сан предложил каждому из нас представиться и сказать пару слов о себе.

Первым встал «капитан». Он был высокого роста, статным, длинноногим, а янтарного цвета звёздные его глаза мне «с земли» было не рассмотреть. Он лаконично сказал:

– Я – Нагао. Прошу любить и жаловать.

Вторая фраза была лишней. Согласно информации из уст Хории-сан, все давно уже любили его и жаловали за спетые им бесчисленные песни, ставшие хитами, за бархатистый разрывающий душу голос, звучавший на всех волнах японского радио, за блестяще сыгранные роли героев-протагонистов, в основном самураев и сёгунов¹⁷. Народ бешено заплодировал.

За Нагао-сан последовала Фуджи-сан, примадонна в возрасте, одетая в лёгкое кимоно. Несмотря на импозантность и весомость, она была подвижна, естественна в словах и жестах, с душой нараспашку. И я решила, что мы с ней сбли-

¹⁷ Сёгун – в японской истории верховный военачальник, которые реально (в отличие от императорского двора в Киото) управлял Японией с 1192 года до периода Мэйдзи, начавшегося в 1868 году.

зимся.

Ещё с полчаса мы радовались и аплодировали знакомству с действующими лицами. Уже и Джонни с тонким американским юмором рассказал о себе. Марк, представляясь, сыграл роль любимого всеми клоуна, и этим развеселил публику. Даже Нагао-сан, которому, видимо, было лень каждые две минуты оборачиваться к «глубинке», выслушал Марка, повернув к нему профиль Кесаря.

Подошла моя очередь. Пожелав всем доброго утра, я сказала, что сама из Франции, а в Токио на участие в спектакле приехала из Тохоку. На слове Франция неповоротливый Нагао-сан развернул корпус на все 90 градусов и вперил в меня оценивающий взгляд. И ещё одна персона из «верхов» на слове Франция развернулась на 90 градусов, с любопытством разглядывая меня. Это был второй ведущий актёр в «Камелии» и звезда множества криминальных телесериалов господин Кунинава.

Очень рада знакомству! Прошу любить и жаловать!

* * *

Наконец-то поднялась моя соседка, тоже из дальнего зарубежья, а точнее, из России. Звали её Татьяна Рохлецова, и говорила она по-японски гораздо лучше меня. «Сразу видно, что у Рохлецовой-сан IQ не бунтарь, как мой. И не устраивал ей восстаний против китайских идеограмм. Поэтому она

– грамотная, читать и писать умеет!» – самокритично размышляла я. Нагао-сан продолжал сидеть лицом к народу и теперь уже смотрел на Татьяну. А Кунинава-сан отвернулся.

Последними представились ребята в стильных тренировочных костюмчиках. По всем признакам, танцоры. И был объявлен перерыв на обед.

Татьяна Рохлецова ради знакомства обнялась с Марком и Джонни и спросила у меня по-японски:

– Вы из Франции?

– Да, но могу разговаривать по-русски.

– Ну значит, будет хоть с кем-то поговорить на великом и могучем, – произнесла Татьяна без особой радости. – Так вы русская или француженка?

– В Японии по документам я француженка.

Чтобы прервать час вопросов и ответов, я принялась листать текст «Камелии на снегу».

– У вас сколько выходов на сцену? – не поняла моей тактики Татьяна.

– Не знаю. Сато-сан ничего ещё не говорил.

– А вы посмотрите вон там, рядом с доской объявлений. Вы – Лариса... Как вас?..

– Аш, – уточнила я.

Мы подошли к развешенному на стене длинному, как чья-то научная диссертация, реестру схем и графиков. Татьяна приняла тон эксперта по всей этой классификации и систематизации, и имела вид человека, съевшего собаку в япон-

ском шоу-бизнесе.

Я не верила своим глазам! Моё имя стояло на видном месте, в начальной картине первого акта. Правда, и Марк, и Джонни, и сама Татьяна тоже играли в самом начале спектакля наряду со мной.

Гото-сан, второй помощник ассистента режиссёра, подошёл к Татьяне поболтать. А я продолжала водить пальцем по всем картинам первого акта, затем второго, боясь, что перерыв на обед закончится, а я так и не найду больше своего имени! А, нашла! Congratulations! В достославной сцене помолвки сладкой парочки, перед началом второго антракта. И опять мы были в одной упряжке: Марк, Джонни, Татьяна и я. И у меня, оказывается, уже был не один выход, а целых два! Я судорожно стала искать своё имя в третьем акте. Ведь три выхода ещё лучше, чем два? Увы, и мои выходы, и выходы моих соплеменников закончились. Ну что ж... За два выхода на сцену я, пожалуй, лучше подкреплю своё драматическое будущее, чем за один, тот, к которому так тщательно готовилась. Только придётся учить новые реплики на японском, для начальной сцены.

Татьяна окончила весёлую болтовню с господином Гото и, едва оглянувшись на меня, вышла из зала. Да и мне надо было «отметиться» у Хории-сан, которая опять что-то обсуждала с продюсером. Потоптавшись невдалеке и видя, что их совещание ещё не подошло к концу, я решила отлучиться в

rest room¹⁸.

Нагао-сан сидел в одиночестве на обтянутой коричневым дерматином лавочке, в холле, отделяющем репетиционную сцену и туалет. Всенародный любимец, певец и актёр, как простой студент, орудовал кнопками мобильного телефона, отправляя, видимо, СМС. А чуть поодаль, в кучке, как воробы на ветке, на дерматине устроились танцоры. Одни держали на коленях ланч-боксы, другие склонились над своими айфонами. Проходя в туалет, я по-дружески махнула парням рукой: «Привет!» Парни скупно улыбнулись.

Время было обеденное и мне тоже хотелось есть. Но я не рассчитала, что застольная репетиция займёт весь день. Репетиционная сцена находилась в глухом месте и до ближайшего кафе было минут пятнадцать быстрым шагом. Так что от обеда я отказалась. Просто купила около туалета, в автомате для продажи прохладительных напитков, кока-колу и направилась обратно в зал.

Я шла по холлу прямо на Нагао-сан, и он уже издали подал глазами мои обтягивающие джинсы, усыпанные стразами. Да так, что у меня под ними так-таки запылали огнём body line, а стразы чуть не расплавились. Тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что у самодостаточного певца и актёра в жизни имелись все привилегии, удовольствия и блага. Единственное, чего ему, по всей видимости, не хватало – это body line со стразами. Вот уж загадка!

¹⁸ (англ.) Туалет.

Я смутилась и быстренько прошмыгнула в зал. Кажется, кое-что с вопросом о чёрных просторных спортивных костюмах начало проясняться. Я догадывалась, они нужны были не только для свободы движений на репетициях, но и для отвлечения мужской, изголодавшейся части главных действующих лиц, от женских линий и форм, мешающих звёздам вне сцены, в их бесконечной внутренней работе над ролью, а на сцене – для полного перевоплощения в своего героя.

Поборов в себе Еву и испытывая чувство вины перед звёздной частью труппы за то, что мешаю им вжиться в роль, я быстро накинула просторный дождевик, делая вид, что мне холодно.

Хории-сан подошла попрощаться. На послеобеденную читку она не оставалась из-за неотложных дел. Да она мне больше и не нужна. Я и без неё уже знала, каков мой заработок, и сколько она урвёт из него по окончании гастрольных показов! Кроме этого, её указы, инструктаж и шиканье будили во мне повстанческий дух. Таким образом, иллюзий насчёт того, что менеджер, в случае чего, встанет на защиту моих прав и гарантий, у меня не осталось, и надёжнее было бы опереться на товарищеское плечо Америки в лице Марка и Джонни. А они у режиссёрского столика аккуратно беседовали с Татьяной Рохлецовой, стоявшей задом к верхам и низам. И этот зад, как легальный паспорт в тесной корочке, был гордо предъявлен таможенному контролю, то есть Нагао-сан и господину Кунинава, только что вернувшимся на

свои почётные места. Однако когда в дверном проёме показалась госпожа Фуджи, Татьяна сдала позиции и без промедления отступила к нам, тылам.

Я уткнулась в текст «Камелии». Иероглифы натачивали свои самурайские мечи, готовясь к атаке, и от страха и голода мне стало дурно.

Читка началась. Первая сцена первого акта шла полным ходом, а режиссёр всё не произносил желанные слова: «Госпожа Аш, ваша реплика!» Марк и Джонни подавали голос, переключаясь по-английски с главным персонажем Нагао-сан.

Я мало что понимала в развитии сюжета. По той простой причине, что не знала, о чём пьеса. Текст её пришёл по почте совсем недавно и содержал в себе двести страниц. Соответственно, их бы я не освоила и за двести лет, а японские друзья не имели времени читать всё это и пересказывать мне содержание.

* * *

Я подвела безрадостный итог: в одном из двух своих выходов я была простой статисткой. Хорошо. Зато у меня был козырь – последняя картина второго акта. Там у меня яркие эмоциональные реплики, раскрывающие глубину характера английской леди, её великолепие, пучину дамской психики, искусно прячущую под улыбками ревность к чужому

счастью, к чужой, а не своей, помолвке, сожаление об уходящей молодости, скорбь о несбывшихся любовных грёзах.

Ждать пришлось долго, часа два, с учётом замечаний режиссёра, уточнениями реплик, произносимых словоохотными альфа-персонажами и прерываемых режиссёрскими разъяснениями нюансов постановки.

Я старалась уйти в прострацию, заняться медитацией. Более того, уже намеревалась перевернуть пьесу вверх тормашками, чтобы не видеть в тексте ряды противников, пестрящие чёрточками и загогулинами. Но шелестеть страницами в унисон низам и верхам было стратегически важно для актёрской карьеры.

Листая страницу за страницей, мы подошли к долгожданной сцене помолвки и к поздравлениям. О, вот он – мой звёздный миг! В зале образовался вакуум. Тишина. Я набрала воздуха в лёгкие, потому что ну никак не могла с первого раза, без запинки, произнести это заковыристое английское слово «Congratulations!» и... не произнесла его... За меня это сделал Марк. Ничтоже сумняшеся он прочитал с прекрасным английским акцентом и преувеличенным рвением все мои шесть коронных фраз. И слово «Congratulations» далось ему с первого раза.

Оцепенев, я косо смотрела на Марка, но читка шла к третьему акту, равнодушная к моим страданиям. У меня не было слов! И дар речи пропал.

Режиссёр объявил десятиминутный перерыв. Татьяна

Рохлецова обратилась ко мне с пониманием, сочувственно:

– Что, даже слов не дали?

– У меня их отобрал Марк, – с безразличием в голосе и горечью в душе ответила я.

У самой Татьяны было целых три выхода. Два в качестве статистки, и один в середине второго акта, с репликами, вернее, с какими-то восклицаниями «Oh!», «Ah!», «So pretty!», «Darling, buy this to me!»¹⁹ Да, негусто. Но хронометраж её второго выхода равнялся пяти минутам. То есть слов-то было мало, зато телодвижений много. А у меня вдруг отняли реплики, и время моего выхода не превышало трёх минут. «Ничего, – философски размышляла я, – у каждого своя судьба и свой шанс».

Часов в пять, после окончания застойной репетиции режиссёр позвал Марка и меня. Оказывается, мы были супругами по сцене, и соответственно, шесть реплик подлежали справедливому супружескому разделу: три – Марку, три – мне. А выкрики «Congratulations!» щедро доставались нам обоим. Марк раскинул руки с возгласом «Oh, sorry!»²⁰, но я почувствовала его разочарование – жена «отбирала» у него половину завещанного состояния, одну вторую шанса на успех. Сорри, любимый!

Режиссёр Сато-сан попросился, но низы не трогались с места, пока верхи не наговорились и не покинули репетици-

¹⁹ (англ.) Oh! Ah! Как мило! Дорогой, купи мне это!

²⁰ (англ.) Прошу прощения!

онный зал. Марка и Джонни как ветром сдуло, и Татьяна куда-то пропала. Уф-ф, я поспешила к метро, купив наконец бутерброд и жуя его по дороге.

Группки действующих лиц шли тем же путём, что и я, но никто из них не делал мне знака присоединиться к их стае, будто я была незнакомкой. От здания, где находился репетиционный зал, отъезжали «мерседесы». За тонированными стёклами прятались верхи.

Пужинала я в забегаловке возле отеля. Надо было экономить свои «преподавательские», поскольку гарантии выплатят только через три месяца, по окончании гастрольных показов. «Невероятно! – кипятилась во мне демократия. – В Европе актёры устроили бы забастовку!» Затем позвонила маме, делясь с ней подробностями дня первого. Гематома на её голени так и не зажила, и чувствовала она себя неважно, объясняя это ежедневным приёмом препаратов, разжижающих кровь. С пылу, с театрального жару меня бросило в холодный пот – мама призналась, что самовольно прекратила приём лекарств. Пришлось долго отчитывать её за «самоволку» и убеждать не принимать решений без консультации у кардиолога.

Мне было тревожно. Но надежда, сама страдающая звёздной болезнью, шептала: «Всё будет окей».

Глава 6

Кажется, день выдался солнечным. Окна моего номера выходили на стену высотного здания, стоявшего почти вплотную к отелю. Так что все краски неба и солнечные лучи были замурованы в бетон. Но дождь кончился.

Я встала в пять утра, чтобы «раскачаться», посмотреть новости CNN и привести себя в порядок. Затем мне предстоял долгий путь на окраину Токио, в репетиционный зал. Впервые одна, без группы поддержки, я готовилась разгадать чайнворд токийского метро и не пасть на перроне в неравном бою с иероглифами, обозначающими стыковки линий, направлений и названия станций. У меня учащалось дыхание, когда я думала, что не успею подняться из подземки на белый свет без пятнадцати девять.

Покинув отель, я удостоверилась, что день и вправду солнечный. До метро было двенадцать минут ходьбы. Я, как водолаз перед погружением в бездну, дышала полной грудью. На узкой улочке, ведущей к скверу с видом на Токийскую башню, владычество гостиничного кондиционера завершалось триумфом O₂.

В сквере кристальные капли росы на листьях азалий покачивались, а солнце заливало золотом мрачные костюмы служащих, спешащих каждый к своему бизнесу. Слышались трели соловья, а когда он замолкал, то кукушка на свой ма-

нер куковала соло о неумолимости времени.

Я почтительно разглядывала Токийскую башню, копию Эйфелевой, только всю в красном. Жаль, что было много прохожих. А то я бы крикнула ей: «Congratulations! Вы с госпожой Эйфель – на удивление сладкая парочка!» С участвующимся дыханием спустилась в метро. На перроне ждал поезд Марк. Не своя от радости я бросилась к нему с объятиями и тут же сделала признание в панической боязни токийской подземки. «Ну, что-то вроде клаустрофобии», – пояснила я Марку, который не понимал причины моих страхов. Сам-то он был стреляным воробьём в сложных подземках Осаки, Хиросимы, Нагоя, и на мякине токийского метро его уже было не провести.

За час езды я многое узнала о личной жизни американца. Ему было под шестьдесят. «А выглядите вы, как Ричард Гир!» – сделала я ему искренний комплимент. Таким образом, мы сблизились ещё больше, и я даже осмелилась назвать его «honey»²¹, поскольку он являлся моим новоиспечённым супругом по сцене. Ему очень понравилось, как я его назвала, и он признался, что ищет девушку для совместной жизни и мечтает о рождении дочки. И как-то таинственно глянул мне в глаза. А я без промедления стала разглядывать серый пол вагона, боясь выдать взглядом свои глубокие сомнения в данном начинании.

На окраине Токио, выходя из метро, мы с Марком кате-

²¹ (англ.) Любимый, дорогой.

горически разошлись во мнениях, в какую сторону идти к зданию с репетиционной сценой – направо по улице, или налево. Я настаивала повернуть налево, и мы долго плутали по улочкам с жилыми комплексами и частным сектором. Было без десяти девять. Мы заблудились. Марк уже выходил из себя, потому что опоздание на репетицию приравнивалось к краху актёрской карьеры. А он, по моим наблюдениям, тоже метил в дамки... нет... в ферзи.

Нарушая утреннюю тишину спального района Токио и пугая стуком каблучков благовоспитанных прохожих, теперь мы бежали в правую сторону от станции метро. Зазвонил мой мобильный. Накамура-сан заботливо поинтересовался, не забыла ли я о репетиции.

– Нет, не забыла, – лепетала я, задыхаясь от утреннего маршафона. – Мы с Марком заблудились. Но уже почти у входа.

– С Марком?! – удивился продюсер, почему-то выведенный из равновесия.

– Поторопитесь, госпожа Аш, лучше не опаздывать.

Краснощёкий Марк, уже обвинивший меня во многом, напоследок предъявил ещё одно загадочное обвинение:

– Никогда тут и никому не говори, с кем ты заблудилась! Не называй имён! Этим ты всё испортишь!

Задать вопрос: «Что испорчу?» – я не успела. Взмыленные, мы были у двери в репетиционный зал.

– Войду первым я, – по-джентльменски заявил Марк, – а ты – через пару минут.

По его тону я поняла, что уже никогда не буду той девушкой, которую он ищет. «Слушаю и повинуюсь» я, естественно, не сказала, так как вовсе не собиралась подчиняться прерогативам американца. Поэтому вошла в зал сразу же вслед за ним, ровно в девять.

Труппа была в полном сборе, но лишь некоторые холодно ответили на мои сердечные пожелания доброго утра. Марк сидел как ни в чём не бывало, рядом с Джонни. Возле них – Татьяна, а на единственном свободном стуле лежала её сумка. Таня сделала мне знак, приглашая сесть рядом. О, идёт потепление... Она заняла мне место.

Репетиция в выгородке началась. Зал был огромным. Актёры и статисты расположились вдоль стен, кто на стульях, а кто и на полу. География сцены была отмечена мелом, а декорации – подручными средствами. У противоположной стены, на дальнем расстоянии, сидели за столами верхи: Нагао-сан, Фуджи-сан, Кунинава, господин Одзима и ещё с десяток VIP-актёров.

Оттуда, издалека, янтарные глаза были направлены не на режиссёрский стол, а в нашу сторону. «Так понятное дело, – промелькнуло у меня в голове, – нас тут, белых ворон, целых четыре особи». И чуть передвинула стул, прячась за бетонную колонну, подпирающую плафон.

Репетировались сцены выборочно, не с самого начала. Са-то-сан называл номер картины, и действующие лица, держа тексты в руках, собирались в кучку на очерченной мелом

сцене. Пока режиссёр беседовал с ними, мы с Татьяной болтали. А когда начиналось сценическое чтение и актёры проносили реплики, глядя в тексты и почти не двигаясь, мы с Таней всё равно болтали. Хотя все до одного японские коллеги-омеги и альфа-статусы склонялись над «Камелией» и водили пальцами по страницам. Помощник режиссёра сделал нам замечание:

– Госпожа Рохлецова и госпожа Аш, следите за текстом!

Марк и Джонни тоже притихли, делая вид, что как будто бы что-то понимают в ладной дружине иероглифов ремейка. Татьяна сидела, закинув ногу на ногу, и по её расслабленности было понятно, что китайские идеограммы – это её конёк. Я была пристыжена! И вжималась в стул, жалея, что мой конёк – автоматический перевод Гугл, и он у меня в персональном компьютере, а тот спрятан от горничной в чемодан, а тот закрыт на ключ и задвинут за холодильник.

Ассистент режиссёра выкрикнул имена Одзима-сан, Татьяны и Джонни. Комик Одзима лишь встал, ничего не говоря, а все уже смеялись. О, оказывается, Джонни и Рохлецова тоже были супружеской парой на сцене. И это дало полное право Джонни, женатому вне сцены на женщине из Нагойя, прижимать Таню к себе, ласкать её руки и даже обнять ниже пояса.

Персонаж господина Одзима был владельцем сувенирной лавки эпохи Тайсё²² и очень забавно, с шутками да приба-

²² Эпоха правления императора Ёсихито; период в истории Японии с 30 июля

утками расхваливал чужестранцам японские банные аксессуары для горячих источников «онсен». Публика, в смысле труппа и техперсонал, хохотали до упаду. Татьяна почему-то ходила по лавке на цыпочках с возгласами: «Oh!», «Ah!», «Look at this, darling!» А darling, как будто держа в руках фотоаппарат, щёлкал супругу в различных ракурсах. Я внимательно следила за телодвижениями Татьяны. Кокетливое целомудрие в позах, убедительное восхищение иностранки начала XX века при виде диковинок, экзотических безделушек далёкой Японии. Всё в ажуре. Но почему же на цыпочках? Может, это удлиняло ноги? Татьяна была небольшого роста и длину ног могли откорректировать высокие каблуки, а не теннисные тапочки, обутые для репетиций. На мой взгляд, эта инстинктивная женская уловка говорила о непрофессионализме. Вернувшись на место, Рохлецова спросила:

– Ну как?

– По-звёздному, – лаконично шепнула я.

– Это – опыт в японском кинематографе и на сцене, – убеждала меня, дилетантку, профессионалка.

Вдруг Марк возбуждённо вскочил с места, дёрнув меня за рукав: «Наша сцена!»

«Thank you, honey!»²³ Я чуть не прозевала свой выход.

В середине зала стояли Нагао-сан и мадемуазель Фуджи в лёгком белом кимоно с голубыми цветочками. У обоих не

1912 по 25 декабря 1926.

²³ (англ.) Спасибо, любимый!

было в руках текстов. Двести страниц с репликами они выучили наизусть ещё до начала репетиций. Олимпийцы!

Я робко просунула руку под локоть Марка, а тот, как и положено любящему супругу, прижал её к своему боку и нежно погладил. О-о, и нежности входили в сценарий? Я была решительно против супружеских ласк!

Мы с Марком продефилировали мимо продюсера Накамура-сан и режиссёрского стола. За нами шла целая свита: Джонни под руку с Татьяной, танцоры с партнёрами, и омега-массовка. Неожиданно грубо мой супруг подёргал локтем, чтобы я отцепилась, и театрально раскрыл объятия навстречу сладкой парочке, шикарно крича: «Congratulations!» Я вторила ему, поздравляя Нагао-сан и его суженую. Те, играя не в полную силу, с лёгкой иронией глазели на Марка. Мой партнёр явно переигрывал.

Как потомственная герцогиня, я протянула Нагао-сан руку, изогнутую в запястье. Ласковые янтарные глаза жгли мне лицо, чуть не подпаливая ресницы. Кажется, таким взглядом смотрит мужчина, пытаясь бесцеремонно проникнуть в дамскую душу, заарканить её сердце. Шалун! Так не считается. Я чужая супруга. И это же ваша помолвка, сэр!

Затем мягкая ладонь коснулась моей ладони. Всенародный кумир, идол миллионов поклонниц, подносил для поцелуя мою скромную руку к своим губам, вопрошая взглядом: «Можно? Я правильно делаю?» А я и взглядом, и легонько покачав головой, давала ему понять: «Не надо... Вы – Ке-

сарь, а кесари не целуют руки простым смертным».

Игра глаз заняла лишь секунду, и Марк выпалил:

– Позвольте выразить вам сердечную благодарность за то, что пригласили на романтическое празднование вашей помолвки!

Моя реплика.

– Но что же вы стоите так далеко друг от друга? – я погладила Фуджи-сан по плечу, а она скромно потупила очи. Выполнено безукоризненно! Она – юная девушка из провинции, впервые в жизни видела этих белобрысых чудиков, крикливых, размахивающих, как макаки, руками, жахающих, как пощёчины, непродуманные фразы. Марк уже провозглашал обычаи англичан на помолвках, а я подхватывала:

– Ну не стесняйтесь, Мураниши-сан, обнимите невесту! Вы удивительно сладкая парочка!

По-моему, в двух последних словах у меня зазвучала фальшь. Но режиссёр молчал. К нам приближалась фурия, Мичико, истинная невеста Мураниши-сан. Её играла потомственная актриса Соноэ Оцука, с холёным лицом, невероятно популярная, говорящая по-французски. Но без body line.

Тут начался переполох. Татьяна, закатывая глаза, чуть не упала в обморок из-за постыдного ляпсуса, совершенного англичанами. Чужестранцы опозорились! Приняли простую служанку, случайно оказавшуюся рядом с хозяином Мураниши, за его невесту! Режиссёр удовлетворённо произнёс: «Стоп! Переходим к третьему акту». А я врубилась нако-

нец-то в замысел картины. Драматург Инуэ-сан выставляла нас, благородных англичан, на посмешище. И тысячи зрителей будут забавляться, глядя на наш бред и культивируя ксенофобию.

Я нащёптывала свои соображения на ухо Марку, а он, не реагируя, произнёс мудрую вещь:

– Какая разница! Играй то, что тебе велят! И получишь за это свой миллион.

Да-а, аргумент был веским. И деваться было некуда. Но мне не хотелось выглядеть посмешищем для японской публики. За отечество, так сказать, обидно.

Перерыв. В сумке у меня лежали бутерброды, а Татьяна запаслась ланч-боксом. Мы уселись в холле на дерматине. Фуджи-сан, весёлая и беспечная, проходила мимо, в туалет. Увидев нас, она замедлила шаг и по-свойски спросила:

– Что, обедаете?

Мы с Татьяной дружно закачали головами – «Да, вот... обедаем...»

– А мне бы надо похудеть, – легко призналась в самом сокровенном богиня японского театра и кинематографа. Какая же она всё-таки простецкая!

– Нет-нет, что вы, госпожа Фуджи! Не мучайте себя диетами! У вас прекрасная фигура! – это я так разгорячилась. А Татьяна молчала. Лишь бросила скучающий взгляд в спину уходящей звезды.

Я ела бутерброды, слушала опытную Татьяну, наматывая

на ус ценные сведения о шоу-бизнесе. Для своего актёрского будущего.

– Не так давно я снималась в одном фильме... женская роль второго плана... там я спасаю от смерти главную героиню. Ну вот, а моё имя даже в титрах не указали, представляешь?

Не-а, я не представляла... Как такое могло быть?

– А вот так, – с сарказмом закончила историю Татьяна.

Я догадалась, что она в целях самосохранения не делает вслух ни содержащих обличение выводов, ни критических заключений. Как говорится, молчит в тряпочку. Ну что ж... Может, и верно... «Осторожность не помешает», – сделала я своё умозаключение.

– А тут пошла на кастинг для рекламного ролика, – продолжала Таня. – Реклама средства для эпиляции. За десять секунд на экране платили хорошие бабки... триста тысяч. Выстояла чудовищную очередь... Вокруг сотни длинноногих европейских красоток, манекенщиц под метр девяносто. И я на их фоне – маленькая и кругленькая... Ну всё, думаю, не пройду, зря день потеряла. Через неделю звонят – приглашение на съёмки. И что ты думаешь, нарядили меня в бикини, а вместо ног приделали хвост русалки. Нас, русалок, было две... ещё какая-то мисс из России. Посадили по ту и другую сторону местной манекенщицы... худой как щепка... ноги, как будто в кавалерии служила. И вот нас, золотоволосых европейских русалок, заставили гладить её ноги, приго-

варивая: «Хочу такие же!»

– Отпад! – резюмировала я вслух. А про себя подумала: «Ни за какие «бабки» не стала бы сидеть с хвостом русалки и гладить чьи-то конечности». Да ещё и приговаривать: «Хочу такие же». Ой, что сказали бы мои студенты, увидев Ларису-сенсея по телевизору в бикини и с хвостом русалки?! Администрация университета? Бесчестье!

Перерыв заканчивался. Очень хотелось кофе. Возле господина продюсера в углу на столике имелась кофемашинка эспрессо. От неё исходил лакомый аромат, делающий железобетонную обстановку репетиционной сцены почти домашней. Но дело в том, что к кофе прикладывались только верхи. Нагао-сан уже налил себе чашечку. Сделал он это с конфузом, идущим ему как зайцу курево. Одзима-сан подошёл к кофеварке с шуточками. Фуджи-сан, как девочка, забавно подбежала мелкими шажками.

Низы тоже, наверное, хотели кофе, но не могли полноправно, наравне с олигархами, обслужить себя горячим напитком. Я шепнула Татьяне:

– Ты хочешь кофе?

– Да, хочу.

– Так пойдём нальём?

– Не-е, не пойду. Иди сама.

Тогда я повернулась к Марку и Джонни:

– Do you want some coffee²⁴?

²⁴ (англ.) Ты хочешь кофе?

– Oh, yeah, please²⁵!

– Let's take it²⁶? – показала я в сторону кофемашины.

– Oh, no, no, thanks²⁷!

Они чего-то боялись.

Национальный девиз Французской республики провозглашает кроме свободы и братства ещё и равенство. Оно-то и толкнуло меня плюнуть на кастовое деление и подойти к кофемашине, спрашивая на ходу у Накамуры-сан:

– Можно ли мне налить себе немного кофе?

– О да, конечно! – любезно ответил продюсер. – Наливайте когда вам угодно, не стесняйтесь, госпожа Аш!

А о трёх других членах нашей законной иностранной группировки не упомянул.

Я налила кофе в пластмассовый стаканчик, чувствуя на себе взоры верхов и видя ревнивые гримасы низов. Кроме того, у меня почему-то загорелась задняя часть джинсов, которую я ненароком повернула к столу «главных».

Режиссёр объявил репетицию второй картины третьего акта. Значит, сцены с выходом моей героини на сегодня закончены. Ну и зачем сидеть-то? В моей стране рабочее время строго регламентировано. За сверхурочные доплачивают. А Хории-сан вряд ли сделает надбавку к моим гарантиям.

Всё было так. Но во Франции меня доводила до бешенства

²⁵ (англ.) О да, с удовольствием!

²⁶ (англ.) Так пойдём нальём!

²⁷ (англ.) О, нет уж, благодарю!

чересчур скрупулёзная регламентация рабочего дня. Особенно в кассах вокзалов. На стеклянной двери было чёрным по белому написано: закрытие в 20:00. А предприимчивые служащие SNCF²⁸ не пускали купить билет уже без двадцати восемь. Ругайся не ругайся – эффект был один. На поезде уже не уедешь. В 20:00 и ни минутой позже служащие снимали фуражки и уже уходили домой. И к начальству не было смысла обращаться. Закрытие в 20:00 означает не конец обслуживания пассажиров, а выезд из парковки, на ужин с семьёй.

Было три часа. Глядеть в книгу и видеть фигу, скрученную китайскими идеограммами, я не собиралась. Положив текст пьесы в сумку, я предложила Татьяне:

– Слушай, давай пойдём в кафе? Всё равно наших выходов больше нет. Время – деньги.

Татьяна ответила:

– Иди, если хочешь. Я останусь.

Она держала меня на расстоянии. И объяснений, почему надо оставаться, закончив репетицию с нашими выходами, не давала. Ну очень осторожная персона!

Пока сменялись картины и одни действующие лица расходились по местам, а другие сходились в центре зала, я без резких движений начала перемещение к выходу. Нагао-сан с блокнотом в руках, как наблюдатель ООН, следил за моей передислокацией.

²⁸ Национальная компания французских железных дорог.

Иного пути, чем через стол продюсера, не было, и Накамура-сан уже вопросительно смотрел на мою сумку и дождевик. Пришлось отпрашиваться:

– Накамура-сан, можно мне уйти? Всё равно на сегодня у меня выходов нету.

Лицо продюсера застыло на две секунды. Две секунды он медлил с ответом, давая, видимо, мне повод для размышления. Затем совсем не строго сказал:

– Да-да. Если у вас есть неотложные дела, конечно, идите...

У меня действительно были неотложные дела в такой солнечный день: прогуляться по Гинзе, зайти в дорогие универмаги «Mitsukoshi» и «Printemps», посмотреть осенне-зимнюю коллекцию одежды и обуви, поискать для мамы красивое пальто с мехом, которое я решила подарить ей по окончании гастролей и по получении приличных, даже с вычетом 30 процентов, гарантий. А ещё маме нужны были добротные тёплые сапоги. И осенние туфли – мне нравился бренд «Geox». Их бутик как раз находился на Гинзе. Купишь – и не прогадаешь. Комфорт и отличное качество. Мысли о покупках для мамы радовали сердце. Я баловала не столько себя, сколько её. После кончины папы, которого я, наивная, раньше считала бессмертным, мама стала мне ещё дороже, и я поклялась беречь её как зеницу ока. Кроме этого, когда я была маленькой, она всем жертвовала для меня. А теперь, когда я встала на ноги, наступило моё время жертвовать.

В детстве у меня с мамой почти не было разногласий. Мы ссорились только по одному поводу: в зимнюю стужу она заставляла меня надевать вниз рейтузы с начёсом, чтобы не застудиться «по-женски». Я ненавидела эти неэстетичные рейтузы, делающие меня толстой.

Шагая к метро, я размышляла, почему продюсер Накамура-сан помедлил на две секунды с ответом. Он обычно вообще не медлил. Всегда давал ответ моментально, не сомневаясь. Может, со своей демократией и равенством я что-то делала не так? А что, если это навредит моей карьере артистки? Я ещё не знала неписаных законов японского шоу-бизнеса и закулисных правил поведения. И надеялась вывести это у опытной Татьяны. А пока решила затеряться в актёрской стае, укрощая своё стремление к индивидуальности.

Вернувшись в отель и говоря с мамой по телефону, я описала ей роскошное кашемировое пальто с меховым воротником и попросила измерить длину плеча, рукава и объём груди, чтобы не ошибиться в размере.

Мама была в приподнятом настроении. Она тоже ходила по магазинам и купила себе на зиму добротный свитер из мягкой шерсти и тёплые брюки. И виновато добавила:

– Довольно дорогие...

– Мамочка, трать без стеснения! Я тебе оставляю деньги на дорогие качественные продукты и одежду, недоступные на твою пенсию.

Мама чувствовала себя хорошо. И я чувствовала себя хо-

рошо.

Главное, чтобы мама была здорова. И тогда живи-не тужи.

* * *

Подключив интернет, я набрала в поисковике на катакане имя Татьяны Рохлецовой. Информация о профессиональной актрисе японского театра и кино была очень скудной. Где-то преподаёт русский язык, подрабатывает в каком-то баре, два года назад играла мелкую роль в спектакле «Кровавая Мэри». Больше ничего. Ни фильмов с её участием, ни выходов на сцену. Зато её имя без конца высвечивалось на сайтах знакомств. Поиск мужчины для дружбы и прочих дел. Она не она – не проверишь, не зарегистрировавшись на сайте. Ну что ж... Информации нет, остаются лишь смайлики²⁹:)

²⁹ Смайл, смайлик – символ улыбающегося человечка, применяемый в информатике.

Глава 7

С Марком на перроне я не встретила, но благодаря сотням километров, намотанных по Японии на «Тойоте» БУ, чувство ориентации на этот раз не подвело. Я чётко и правильно вышла из метро на окраине Токио, на нужной станции и в нужном направлении.

Впереди меня шла молодая актриса из нашей труппы, играющая роль дочери господина Мураниши. Я бегом догнала её и, радостно пожелав доброго утрачка, принялась было общаться. Но она ответила мне нехотя и, закинув конец белой шали с кистями на плечо, совершила марш-бросок вперёд, отрываясь от меня метров на сто. Ага, со мной рядом почему-то идти не желают...

Зайдя в репетиционный зал, я первым делом подошла к столу продюсера и витиевато попросила прощения за вчерашний уход до полного окончания репетиции. Накамура-сан был очень добр ко мне, ответив, что даже не стоит извиняться.

Татьяны ещё не было. Марк и Джонни что-то обсуждали с напряжёнными лбами. Уж не требование ли выплачивать гарантии, как всем нормальным людям, в конце каждого месяца, между двадцатым и двадцать пятым числом?

Я положила сумку на соседний стул.

Нагао-сан сидел в одиночестве, тыча пальцем в кнопки

мобильного. Мне надо было переодеться в раздевалке, со- оружённой в виде походной палатки возле стола главных. Пришлось идти прямо на кумира, и, здороваясь, кланяться. Опять его взгляд прожигал мне до дыр джинсы. Уж и сомне- ний не было, что у Нагао-сан чересчур мощная аура, и что его глаза обладают особой силой, магией графа Калиостро, метателя огненной энергии и поджигателя. Ощущение, что у тебя воспламеняется кожа мягких частей, было не из при- ятных.

В раздевалке слышались женские голоса. Я постучала. Мне ответили: «Эми-чан, это ты?» Я просунула голову в раз- девалку, а зад торчал прямо перед носом поджигателя. Опыт удался. Горело то, что находится ниже поясницы. Я была в шоке. Такого со мной ещё не случилось!

Три девушки совершали в раздевалке обряд утреннего туалета. Фуджи-сан, как Мария-Антуанетта³⁰, стояла, раски- нув руки, а девушки облачали её в кимоно. Одна из них про- изнесла немилостиво что-то вроде: «Уберите голову! Коро- лева ещё в исподнем!» А тут и Татьяна подроспела со слова- ми:

– Ты вот вчера ушла рано, а мне дали ещё один выход! В первой картине второго акта. Я из правой кулисы бегу к вы- ходящему из левой Джонни и бросаюсь к нему на шею. Даль-

³⁰ Королева Франции, супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 года. По- сле начала Французской революции была объявлена вдохновительницей контр- революционных заговоров и интервенции. Осуждена Конвентом и казнена на ги- льотине.

ше вообще мы должны слиться в поцелуе, но я уже позвонила своему менеджеру и категорически отказалась. А обниматься вот придётся...

Ух ты! Равенство и регламентация рабочего дня сыграли со мной злую шутку! Я не получила лишнего выхода, пусть даже с поцелуями...

Джонни, видимо, решил прорепетировать эту сцену перед началом, и подлетел к Тане с объятиями. Она остудила его пыл:

– Слушай, я предупредила своего менеджера об отказе от поцелуев. Менеджер уже позвонила господину Накамура и всё улажено.

Джонни обиделся:

– А я вот получил приглашение на кастинг «Ромео и Джульетты», готовящейся к выходу в январе.

– Неужели на роль Ромео? – влезла я в супружеские распри.

Татьяна сухо поздравила супруга и, повернувшись ко мне, цокнула языком: «Какой там Ромео! Его и на роль Париса не возьмут. Ромео у них будет из Страны восходящего солнца. На главные роли чужих не берут! Ха-ха... А наш Джонни будет статистом... каким-нибудь служкой у Капулетти...»

Трудно было поверить в то, что Джонни, жгучего брюнета, метр восемьдесят ростом, и вообще прирождённого итальянского любовника, на роль Ромео не возьмут.

– Не возьмут! – подтвердила Татьяна – Тут даже истинно-

го арийца Гитлера играют отечественные актёры!

Режиссёр созвал народ на отработку начальной сцены. Английское судно «Faith» входит в Нагасакскую гавань. С очерченного мелом трапа спускается Мураниши-сан. За ним англичанки – Татьяна и я, а потом массовка. Джонни и Марк встречают господина Мураниши на берегу.

Мы выстроились в цепочку, в порядке греческого алфавита. Нагао-сан, альфа, разумеется, во главе. Таня на пять минут оказалась в позиции «бета», а я в «гаммах». Звёздный Нагао-сан, без капризов, до неприличия скромно вслушивался в указания режиссёра, не встречая, не перечая и не навязывая своих требований. Татьяна дышала ему в затылок. Английских леди встречали японские представители неизвестно чего. А вслед за мной матрос нёс мои коробки со шляпами и чемоданы с бриллиантами. Матросом был красивый парень, танцор Джун. Он уважительно, как знатной даме, объяснял мне то, что я не совсем понимала в замечаниях режиссёра. Мы разговорились, и в перерыве он познакомил меня и Татьяну с другими красавчиками-танцорами. Я сказала, что могу танцевать аргентинское танго, которому училась в танцевальной студии в Париже, и даже ездила на фестиваль в Буэнос-Айрес. Один из парней, Аракава, обрадовался:

– О! Здорово! А я по совместительству преподаю танго в Токио.

Ну вот и славненько... Контакт по совпадению интересов

есть!

Пока мы беседовали с танцорами, смеясь и кокетничая, Нагао-сан недовольно зыркал в нашу сторону. А другие VIP-персоны любезничали между собой.

Сразу после перерыва режиссёр вызвал Татьяну и Джонни. Все с нескрываемым удовольствием созерцали сцену пламенной встречи английских любовников. Татьяна изда- лека бежала к любимому с криком «Майкл!», бросалась ему в объятия, а её партнёр Майкл, то есть Джонни, кружил её по сцене, протягивая губы для поцелуя. Татьяна отвернула от партнёра лицо, а режиссёр понимающе кивнул, в смысле «Да-да, предупреждён!».

Татьяна возвращалась на место с гримасой, близкой к от- вращению, и ворчала: «Вот влипла! И так будет все три ме- сяца!» А Джонни остался доволен близостью с партнёршей и приглаживал растрёпанные кудри.

Я старательно делала вид, что слежу за текстом и пони- маю написанное. Перелистывала вместе со всеми страницы, а также не забывала и прятаться за колонну от настойчивых взглядов кумира всех японских женщин. Затем осаждала се- бя: «А куда ему смотреть, как не прямо перед собой? А тут я сижу... Ну да, очень я ему нужна! У него таких, как я, хоть пруд пруди... А может, он на Марка смотрит? Или на Джон- ни? Знаменитости – народ сложный, зачастую не гетеросек- суальный³¹...»

³¹ Гетеросексуальность – сексуальная ориентация, определяемая как эмоцио-

К трём часам наступила сцена помолвки. Нагао-сан гипнотическим взглядом проникал мне в душу, протягивая руку для пожатия. Маэстро был как оголённый провод – при контакте с его кожей меня прошибало током.

Такой поворот событий не был предусмотрен. Меня и в школе тошнило от опытов по воздействию электрического тока на мышцы расчленённой лягушки. «Попробую-ка я завтра увильнуть от рукопожатия», – отважно решила я.

Надо сказать, что у меня никогда не выявлялось тяги к знаменитостям. В юности я не пицала и не плакала от восторга на концертах какой-нибудь рок или поп-звезды. Мне не нужны были их автографы, и знакомство с народными любимцами мне было безразлично. Кумиры избалованы визгом девиц. И известность открывает им доступ не столько ко всем видам материальных благ, сколько к вседозволенности и имперской убеждённости в том, что они, избранники, получают естественное право владеть любой понравившейся им женщиной. Достаточно было почувствовать, что кумир, плейбой или просто самовлюблённый стилига уверен в том, что от его неотразимости я уже вверх лапками, как внутри меня со злостью захлопывалась какая-то дверца. А дальше

нальное, романтическое (платоническое), эротическое (чувственное) либо половое влечение к лицам другого биологического пола.

все применяемые им чары и шаблоны соблазнения были бесполезны. Я становилась недоступной. Поэтому в целях экономии энергии я поворачивалась к нему спиной ещё в самом начале звёздных игр.

Когда режиссёр объявил об окончании репетиции, я зашла внутрь раздевалки. За её тонкой стенкой в репетиционном зале меня ждала Татьяна. Был уговор идти к метро вместе. Пока я переодевалась, к Татьяне подошла Агнесса – я узнала её голос. Агнесса была наполовину американкой, наполовину японкой. Таких здесь называли «хафф», от английского слова «haff», то есть половина. В спектакле Агнесса участвовала в основном в массовке, а в двух-трёх сценах танцевала с пятью другими японскими девушками. Весь коллектив называл их «dancers», танцовщицами, хотя ни одна из них не являлась профессиональной.

Агнесса спросила у Татьяны, кого та ожидает.

– Госпожу Аш, – ответила моя приятельница.

– А! Мадмуазель Аш? – с прекрасным французским прононсом и явной издёвочкой хихикнула Агнесса.

И обе почему-то ехидно засмеялись. Мне стало не по себе. Несмотря на это, я пошла с Татьяной к метро, хотя и её смех, и смех танцовщицы Агнессы ввели меня в недоумение. Этим двоим я уже не доверяла.

Татьяна всю дорогу рассказывала о своём богатом опыте в японском шоу-бизнесе.

– А в прошлом году, значит, пошла я на кастинг ещё од-

ного рекламного ролика. Два дня с утра до вечера продюсеры проводили отбор девушек. Я намаялась в очереди часов восемь. Столпотворение... Жара... Тётки все злые... Продюсеры, как церберы... И в итоге ни одна из шестисот девушек им не подошла! Потом вроде два дня парней мочалили. И что ты думаешь? В рекламу взяли... собаку!

– О! А! – восклицала я, начиная сомневаться в правдоподобности того, что мне тут толкуют, и чувствуя, как с ушей у меня виснет лапша.

Около метро я предложила Татьяне:

– Вон кафе... Давай выпьем кофе, посидим, поболтаем?

Нет, у Татьяны в шесть тридцать свидание.

Ну ладно... До завтра!

Глава 8

Я всё-таки порылась в интернете и разыскала на сайте YouTube рекламу, на которую не взяли ни шестьсот девушек, ни столько же парней, а одну-единственную собаку. Зато красавицу и милашку. Белоснежная лайка с небесно-голубыми глазами рекламировала средство от болей в желудке при переедании... Ну и коту понятно, что рекламодателям собака выходит дешевле. Но зачем же устраивать зверские пытки молодому поколению, пробивающемуся правдами и неправдами в шоу-бизнес и жаждущему урвать полмиллиона йен за несколько секунд на экране?

Приверженность к демократии здорово негодовала внутри меня. Было ясно, что мне с моим мировоззрением трудно будет вписаться в японский шоу-бизнес. Но хоть лапшу на уши мне, по всей вероятности, не навешивали.

* * *

Репетиция началась, а стул Нагао-сан был пуст. Неужели опаздывает? Я уткнулась в текст, не прячась за колонну. Вскоре нас вызвали на сцену прибытия английского судна «Faith» в Нагасакскую гавань. Режиссёр между делом сказал, что сегодня Нагао-сан даёт концерт, и за него будет репетировать его помощник Кейширо-сан.

Я впервые видела этого лысого дядечку, а может, за три дня просто не запомнила его омега-лица. Агнесса шепнула нам, что Нагао-сан поёт сегодня в крупнейшем концертном зале «Super Arena» в Сайтама, недалеко от Токио.

Ого! Вот это размах! Концертный зал в десять раз крупнее парижского «Олимпа», на двадцать две тысячи зрителей! Круто... Мне почему-то стало пусто в битком набитом репетиционном пространстве... И за колонну не надо прятаться, и пожарных вызывать не будем из-за воспламенений...

Потом мы с Татьяной сидели на дерматиновой лавочке, вынимая бутерброды из сумок. В туалет мимо нас шла Агнесса с подружкой из танцовщиц. Я уже отметила эту особу из-за того высокомерного вида, лишённого обычной японской застенчивости, с которым она расхаживала по импровизированной сцене. Вдобавок ко всему у особы было восхитительное имя Асuka. Слог «су» произносился по-японски очень кратко. Получалось «Аска».

Аска не очень-то раскланивалась перед нами, и едва Агнесса познакомила нас, достаточно развязно засмеялась и направилась альфа-походкой в туалет.

Лишних вопросов я старалась не задавать, и долгое время находилась в неведении, почему же Аска позволяет себе этакую лёгкую надменность в поведении, а также этот смех, не без дерзости, не японский.

Хотелось, конечно, также спросить у Агнессы, сколько дней Нагао-сан будет давать концерты... Но та могла непра-

вильно истолковать моё чисто женское любопытство, приняв его за интерес к маэстро.

Уже перед самым концом дня режиссёр решил прорепетировать сцену помолвки. Пятидесятилетняя Фуджи-сан так же безукоризненно исполняла роль шестнадцатилетней девушки, глядя влюблёнными глазами на лысого дядечку Кейширо-сан. А почему бы и нет? Он был очень душевным. И ладонь у него была большая и тёплая, когда он тронул в рукопожатии мои пальцы. Ни электрошока тебе, ни короткого замыкания... Глаза его не прожигали во мне дыр, а приветливо, по-отечески рассматривали меня, стоящую чересчур близко и вероломно нарушающую социальную дистанцию в полтора метра, тщательно соблюдаемую всеми японцами при встрече друг с другом.

Мне редко приходилось жать руки японцам. Здесь так не принято. Не гигиенично... И меня заедало любопытство: может, все японские мужчины бьют током при рукопожатии с европейскими женщинами? А ну-ка проведём эксперимент! И я внепланово второй раз протянула ладонь Кейширо-сан. Тот так же приветливо, но уже обеими руками схватил мою руку и энергично потряс её. Не-а... Короткого замыкания не происходило... На ком бы ещё потренироваться? На танцорах! Джун, Аракава и третий танцор Кен как раз складывали в сумки тренировочные костюмы, собираясь уходить. Я подошла к ним с возгласами: «See you, guys!»³² и медлен-

³² (англ.) До скорого, ребята!

но одному за другим пожалала руку, задерживая рукопожатие дольше положенного... Для эксперимента... Нет, ни разрядов, ни перемещений биоэнергии и биоплазмы, ни эффекта Джоуля-Ленца... Правда, ребята здорово оживились. Уж не шарахнула ли я их своим биополем?

Как учёный, только что с блеском защитивший научную диссертацию, в эйфории я радовалась предзакатному солнцу, улыбалась прохожим, идя к метро, удовлетворённо посмеивалась.

Татьяна не стала ждать меня, спеша, очевидно, на очередное свидание.

Подводя итоги научных экспериментов, я сделала вывод, что не все как один японцы обладают сверхмощным электрическим излучением мозга. Нагао-сан как полупроводник был особенным.

* * *

В универмаге на Гинзе я измерила длину плеча, рукава и объём груди того роскошного кашемирового пальто, которое присмотрела для мамы. Оно было сшито на неё. Но решила подождать скидок – вот-вот начнутся. Да и компьютер для неё надо бы приобрести, истратив часть будущих гарантий. Общаясь со мной по Скайпу³³, мама больше не будет бежать

³³ Скайп (от англ. Skype) – программа мгновенного обмена текстовыми сообщениями и видео звонками.

со всех ног к телефону при каждом звонке, думая, что звоню я.

Вечером, несмотря на дороговизну звонков в Европу, мы с мамой долго болтали, обсуждая события последних трёх дней. И покупку компьютера, разумеется. Я объясняла маме все преимущества интернета, и что по Скайпу мы будем видеть друг друга и даже вместе пить чай, если поставим компьютеры на кухне.

Потом я описывала наш творческий коллектив, комика Одзима, примадонну Моеми Фуджи, симпатичных парней-танцоров, всех, кроме кумира и поджигателя Нагао-сан, обладающего сверхмощным пульсирующим душевным каналом.

Глава 9

На тротуаре, прямо у выхода из отеля, прыгала на одной ножке девочка лет пяти. Я спросила:

– Почему ты прыгаешь так рано, дорогуша?

Та испуганно отшатнулась от странной леди, белой, как фантом, и с криками «Ока-а-а-сан!³⁴» убежала прочь. Ну да, дети научены родителями и школой, что если кто-то из взрослых обращается к ним на улице, то это потенциальный преступник, педофил³⁵, серийный убийца или просто плохой человек.

Ну и пусть! Пусть я буду плохим человеком... Проходя мимо кафе, где за столиком под деревом сидел господин в куртке цвета флага ООН и в шоколадной кепке, я мимоходом нацелила палец на его бутерброды и доверчиво поинтересовалась:

– Что, вкусные?

Господин чуть не выронил бутерброд и остолбенел. Я нарушала установки японской ассоциации «На своих двоих», вторгаясь в частную жизнь пешеходов и отдыхающих.

Смеясь и оглядываясь, пришёл ли «ооновец» в себя, я налетела на трёх девушек в бирюзовом, персиковом и янтарном. Та, что была в бирюзовом, принялась ловить в воздухе

³⁴ (яп.) Мама!

³⁵ Человек, испытывающий сексуальное влечение к детям.

свой улетающий iPhone. Но он упал на тротуар и лежал целёхонек. Во-о качество! Мои так сразу распадаются на аккумулятор, сим-карту и привязанный к крышке брелок с Золотым храмом Киото.

Девушки сели на корточки, окружив iPhone и проверяя функционирование приложений. Я виновато подседа в их кружок, но они обзрели меня стеклянным взглядом. Проплепав: «Простите, я не нарочно!», я, как плохой человек, спаслась бегством. Токийские девушки – это не мои доброжелательные и многотерпеливые студентки из Тохоку. Токийским девушкам палец в рот не клади... Особенно если ты натуральная блондинка из чужой страны.

Мотая сумкой, я скорым шагом подошла к входу в сквер у Токийской башни. Несмотря на инцидент, мне было удивительно хорошо. Дама в кофточке из лилового шифона шла навстречу, сосредоточенно копаясь в сумке «Louis Vuitton». Опять игривое настроение дёргало меня за язык, и я остерегла её:

– Дама, а вы знаете, что в Париже у вас сейчас вырвали бы сумку? Сосредоточьтесь!

Дама подняла на меня глаза, полные ужаса, но через мгновение видела лишь мою спину. Ну и что? На одну больше... От меня ведь и так шарахаются, как от привидения.

Утренний ветерок, несущий откуда-то ванильный запах бельгийских вафель, одурманивал бушующую всеми красками растительность. Багряные георгины кивали ветру растрё-

паннами причёсками. Чопорные белоснежные и мандариновые гладиолусы, как подвыпившие английские сэры, медленно покачивались от дуновений. Причудливо постриженные японские кустарники, прямо как бэк-танцоры³⁶, выплясывали фламенко вокруг роковой красавицы, Эсмеральды в алом кружеве – Токийской башни. Мой закадычный друг соловей залился трелями, исполняя потрясающую арию о вечной любви. Без сомнения, соловей пел для дамы своего сердца, потому что так поют только влюблённые. Другие птахи, не сдавая позиций, чирикали сладкими голосами на ту же тему.

Мне хотелось кружиться по этому любовному раю, вдыхая ванильный ветер и размахивая сумкой, в которой лежала классная курточка для репетиций. Не может же давать концерты, два дня подряд, в гигантском зале «Super Arena» главное действующее лицо «Камелии на снегу»? Нет, не может! При этой мысли я остановила задумчивую даму:

– Прошу прощения! Не могли бы вы подсказать, как пройти к метро?

Конечно же, я знала, как идти к метро. Просто хотелось общаться с людьми, обнимать их, как Марк и Джонни, хлопнуть по плечу...

Задумчивая дама голосом певчей канарейки подробно и с удовольствием нащebetала мне дорогу к метро, переспрашивая, правильно ли я её понимаю. Затем попыталась то же самое объяснить по-английски, тратя на меня кучу време-

³⁶ Танцоры, сопровождающие выступление ведущего исполнителя.

ни и энергии. О-о, я её обожала! Широко улыбаясь и принося тысячу извинений, я необдуманно и спонтанно погладила её по предплечью. Дама вздрогнула и буквально отпрянула от меня, поправляя рукав лимонной блузки. Ну вот... Из-за дружеского жеста меня вновь причисляют к инопланетянам, фантомам, серийным убийцам или просто опасным лицам...

Всё. Больше шалить не стану! Я, гадкий монстр и коварное чудище, напугала до смерти такого отзывчивого человека!

ОК. Подходя к метро, я уже глядела не на толпу, а в чистое небо с редкими перистыми облаками. Какое оно прекрасное, когда умеешь замечать, что оно существует. Необъяснимое... Обитель светлых ангелов, ворота из драгоценнейшей лазурной парчи, ведущие в золотой город... Разумеется, он придёт сегодня на репетицию! И я снова буду прятаться за колонну, трезвомысляще сопротивляясь чарам ласковых янтарных глаз.

В испарине я забежала в репетиционный зал с опозданием на девять минут. Но странное дело, в зале был беспорядок и стулья стояли вразброс. Ни звёзд, ни массовки. Один техперсонал... Села с растерянным видом за стол VIP-персон, около раздевалки. Ко мне подошёл Накамура-сан:

– Госпожа Аш, простите за то, что не предупредил вас! На доске объявлений сегодняшней и завтрашней дни числятся как свободные от репетиций. Два дня проводится техническая репетиция, обработка технической стороны поста-

новки, световое и звуковое сопровождение. Ещё раз прошу прощения! Вы ведь встали рано и напрасно поспешили на репетицию!

– Да будет вам извиняться, наилюбезнейший Накамура-сан! Я сама – растяпа! Проворонила объявления, а теперь тарашу иллюминаторы, как бестолочь! – вот таким лексиконном мне хотелось прервать искренние сожаления и сочувствие господина продюсера. А тот, бросив взгляд в моё глухо застёгнутое декольте, удостоил меня ещё большего благоволения, взявшись писать номер личного мобильного телефона.

– Вот, госпожа Аш, звоните мне в любое время и по любому поводу!

Я пришла в замешательство от столь особого ко мне расположения продюсера одного из самых крутых киноконцернов японской конституционной империи... Пролепетав слова благодарности и уважительно глядя ему в спину (его звали к телефону), я случайно опустила глаза в своё декольте. От того, что я там увидела, меня бросило в холодный пот. Три пуговицы красной блузки бессовестно расстегнулись, оголяя чашечки С и то, что они приподнимают. Это, должно быть, при стометровке к репетиционному залу...

Застегнув блузку по горло, я нарочно подошла поближе к господину продюсеру, чтобы он явственно отметил позитивные изменения в области декольте. Расчёт был верным. Накамура-сан украдкой глянул мне на грудь, пока я намерен-

но низко кланялась ему, прощаясь. Я в который раз убеждалась, что японские мужчины непредсказуемы! Вместо разочарования, вполне уместного по европейским меркам, на лице продюсера промелькнуло облегчение. Конечно же он, умный и проницательный, без лишних слов понял, что выставленные на обозрение чашечки С были простым ЧП, форс-мажором.

Но что всё-таки означала визитная карточка с написанным от руки личным номером телефона? По собственному опыту я давно уже знала, что японский мужчина, в отличие от европейского, никогда не подъедет, как танк, к нравящейся ему женщине. Он будет топтаться вокруг да около, смотреть вдаль и говорить: «Какая у вас красивая мама», если вы с мамой. Пускаются в ход также тонкие намёки и ультразвуковые сигналы, понятные для японской женщины, но не улавливаемые европейками. «Звоните в любое время и по любому поводу!» Вот это заявочка! Не-ет, Накамура-сан не такой... Он исключительный, эрудированный, образцовый продюсер, не порочащий репутацию киноконцерна интрижками с женским персоналом. И вообще, в отличие от множества мужчин, он носит обручальное кольцо, не пряча его в карман. И он наверняка догадывается, что я не позвоню. Вернее, позвоню лишь в экстренном случае, заболев гриппом, например, или получив дорожно-транспортную травму.

По дороге к метро у меня испортилось настроение. Два свободных дня... И что мне с ними делать? Бродить по Токио, воображая, как я скоро буду раздавать автографы?

Чёрный «мерседес» медленно ехал за мной. За тонированными стёклами мог быть Нагао-сан. Я выпрямила спину и зашагала, как по Парижу, беспечным шагом. У Нагао-сан как раз-таки был огромный чёрный «Мерседес-Бенц» GL-класса с водителем и телохранителем – тем самым дядечкой Кейширо-сан, актёром по совместительству, которому я вчера жала руку вместо кумира. Нагао-сан выбивал ему во всех спектаклях мелкие роли. Маэстро нуждался в протекции и охране.

А может, кумир вздумал следить за мной? Ну, с кем встречаюсь, куда хожу. Ого, это были первые признаки мании преследования. Как у большинства звёзд.

Заходить в отель было лень. Карточка иностранца и деньги при себе, а дома, в Тохоку, есть и одежда, и бельё, и зубная щётка. Добралась напрямик до Токийского вокзала и на первом скоростном поезде вернулась домой.

Глава 10

Встретившись с Анабель, своей лучшей подругой, и наболтавшись о её сердечных делах и о резком повороте в моей жизни, я хорошо отдохнула за два дня, и рано утром на первом Синкансэне выехала в Токио. Все до единого пассажиры досыпали в поезде, порой громко похрапывая. А мне вот не спалось. Сегодня уж непременно лукавые янтарные глаза будут ловить мой взгляд!

Там наверху, за окном, небесный город, асписанный аквамарином и выложенный сапфирами, лил позолоту на малахитовую зелень сосновых лесов, нежно-оливковые лужайки, изумрудные поляны, и на рисовые поля, волнами колыхающиеся на ветру, как шевелюра белокурой красавицы.

Словно живописец, я улавливала тончайшие цветовые гаммы земли и поднебесья. Так уже повелось: скоростные перемещения в пространстве производили пертурбацию моих жизненных устоев. Опять я грезилась о сценическом триумфе, о блестящих победах и статусе «своей» на любимых всей страной телешоу.

Кстати, за два дня я бухнула в японскую телекоммуникационную компанию «KDD» не одну тысячу гарантий за длинные разговоры с мамой. Самочувствие у неё было так себе, и я приняла решение: после окончания гастролей в срочном порядке съезжу за ней и привезу в Японию, на про-

верку у её лечащего врача Мацуо-сенсея в кардиологическом центре. Мама долго отнекивалась, не желая отрывать меня от грядущих спектаклей и съёмок. Мне пришлось слегка прикрикнуть на неё, убеждая, что её здоровье дороже всего.

* * *

Синкансэн подъехал к Токио, и без пяти девять я как штык стояла у двери репетиционного зала. Все были на месте. Татьяна положила сумку на соседний стул. Фуджи-сан с олимпийских высот едва ответила на мои приветствия, а кумир с посветлевшим лицом кивнул и заулыбался. У него была авангардная стрижечка полубокс с рваной взъерошенной чёлкой и новый, невероятно натуральный светло-каштановый окрас волос. Надо же! Всего лишь мастерски изменённый цвет и стиль молодили его лет на двадцать. Таким образом, выглядел он нынче лишь на тридцать пять.

С утра отрабатывалась предпоследняя сцена второго акта. Перед приёмом английских гостей господин Мураниши взялся обучать свою служанку (Фуджи-сан), которой всё больше и больше увлекался, этому дикому, несуразному европейскому танцу – вальсу. И репетировали сцену у нас под носом, метрах в двух-трёх. Нагао-сан, как длинноногий журавль, неуклюже вёл по кругу зардевшуюся от близости с хозяином и влюблённую в него служанку. Режиссёр вновь и вновь заставлял их танцевать с начала. А мы, сидя на оме-

га-стульях, с плохо скрываемым любопытством глазели на «па-де-де» суперзвёзд. Нагао-сан недовольно оборачивался в нашу сторону – уж не смеются ли эти чудики. Янтарные глаза, тревожно блеснув, мелькнули возле меня. Слегка опустив веки, я подбодрила дрейфящую знаменитость: «Всё ОК!»

Режиссёр объявил пятиминутный перерыв. Татьяна убежала к Агнессе. Нагао-сан, утомлённый, искал свободный стул в наших рядах. Стул был один – Татьянин. Я указала на него кумиру.

Ну не может такого быть, чтобы светило шоу-бизнеса, «Роллс-Ройс» японской эстрады, сердцеед, властелин и опустошитель женских душ настолько робел перед чужестранной блондинкой, боясь сесть рядом! Он топтался, смотрел вдаль, но не садился. О, это была просто актёрская игра, расчётливость бабника, прицел на «взятие Бастилии» не рогами и камнями, а скромностью!

С видом «Не сдамся!» я подняла с пола и положила себе на колени набитую всякой всячиной сумку. Кумир наконец-то уселся рядом, устало выдохнув. Между нами воцарилось гнетущее молчание.

– Что это у тебя такая пузатая сумка? Чем она набита? – нашёл утончённый подход к девушке Нагао-сан.

– Да так... Ничем особенным... – я принялась вытаскивать для наглядности стандартный набор содержимого женской сумки. – Вот мой мобильный, а это косметика... Две

книжки... Я их читаю в метро... Зонтик...

Я потянула за угол и чуть не вытащила пакетик для критических дней. Искоса взглянула на лицо всенародного любимца – заметил ли? Любимец сидел весь надутый, как павлин.

Что это с ним? Тактика соблазнителя? Хитро продуманная стратегия ввести противника, то есть меня, в замешательство? Уж не думает ли он, что ослепил меня своей звёздной близостью?

Французская конституция ущипнула меня за больное место. Наступала именно та ситуация, когда мою врождённую застенчивость, как пробку от шампанского, выбивало шаловливое красноречие и легкомысленная игривость.

– Вы прекрасно танцуете, Нагао-сан!

Кумир обрадованно усмехнулся:

– Да уж... Прямо заядлый танцор... Терпеть не могу танцевать!

– Хм... По вашей пластике этого не скажешь!

Я зачем-то встала и принялась демонстрировать, как пластично и виртуозно вальсирует Нагао-сан. А для этого применила втихаря вместо скользящих величавых шагов вальса чувственные движения аргентинского танго.

Нагао-сан во все глаза следил за моими бёдрами, усыпанными стразами. Потом произнёс:

– Даже так?

Метрах в пятнадцати от нас весёлая болтовня Татьяны,

Аски и Агнессы вдруг замерла, превращаясь в ледяное молчание. Аска кинула мне убийственный взгляд.

Нагао-сан больше не дулся. Он благосклонно посмеивался:

– Ха-ха! Мне, как плохому танцору, ноги мешают!

– Вы – прекрасный актёр, господин Нагао!

– Неужели?

– А ваши хиты «Я вижу только тебя» и «Самба на Млечном Пути» можно слушать до бесконечности! – без зазрения совести льстила я.

По правде говоря, я не слышала ни одной песни маэстро. Накануне заглянула в Википедию³⁷, а там подробная биография и длиннейший перечень хитов певца, его спектаклей и фильмов. Внимательно изучать всю эту информацию мне было лень. Однако к счастью, в глаза бросились два хита, сделавшие его знаменитым. Вот их-то моё шаловливое красноречие и пустило в ход.

– О-о! Во Франции знают мои песни?!

– Ну конечно! Такие замечательные хиты слушают все европейцы – приверженцы японской культуры!

Я бесстрашно взглянула в янтарные глаза. В тот момент они были масляными, прямо как у мартовского кота.

В пятнадцати метрах от нас, ушки на макушке, девушки, замерев, следили за всем, что происходило в нашем углу. На-

³⁷ Википедия – общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия.

камура-сан тоже краем глаза поглядывал. Затем с горечью, как мне показалось, склонился над бумагами.

Режиссёр хлопнул в ладоши:

– Итак... Нагао-сан! Фуджи-сан! Прошу вас... Вальс!

На этот раз Нагао-сан вальсировал не как журавль, а точно кубинский мачо. Он то и дело поглядывал на меня: «Ну как?» Я складывала в кольцо большой и указательный пальцы – «ОК!» – и тут же перехватывала ревнивые взгляды Татьяны. О боже!

До конца репетиции я сидела, вжавшись в стул и спрятавшись за колонну.

* * *

Вечером, после обнадёживающего разговора с мамой, я легла и стала анализировать своё поведение. Глаза мартовского кота... Нет! Он меня не возьмёт своей популярностью, гипнотическим взглядом и роковым шармом! И уснула с мыслями: «Завтра нужно встать пораньше, часов в пять, вымыть голову, накрутиться на бигуди... А может, пойти в дорогую парикмахерскую и сделать авангардную стрижку для длинных волос?»

Глава 11

Интересно, почему это увядающие краски осеннего сквера у Токийской башни становятся всё насыщеннее и ярче? А птицы? Грядёт зима, а они щебечут всё веселей и беспечней?

* * *

Репетиция проходила как обычно, с той лишь разницей, что мне пришлось сесть рядом с пожилым актёром Абэ-сан, как он с поклонами представился, не отодвигая коленей и не втягивая живот на предмет увеличения тесного расстояния между нами. На моём месте, рядом с Татьяной Рохлецовой, находилась Агнесса... Таким образом у меня отняли привилегию прятаться за колонну.

Нагао-сан с молодецкой стрижкой сидел, не сутулясь, как раньше, а с прямой спиной заправского танцора. Янтарные глаза были направлены не в сторону колонны, воздвигнутой прямо напротив его местонахождения. Смотрел он в наш угол. Наверное, на господина Абэ.

В пятиминутных перерывах мы вежливо беседовали с моим соседом и даже смеялись. Он всю жизнь играл мелкие роли, порой по несколько месяцев сидел без гарантий, ожидая приглашений на новые спектакли. Забавно махнув рукой, Абэ-сан признался:

– Знаете, у нас в Японии есть поговорка: три дня побудешь актёром или бомжом – и всё, влип на всю жизнь! Другого не захочешь.

– Тогда и я, Абэ-сан, если не получу новых ролей, то стану бомжихой.

– О-хо-хо... Ну да... То есть нет... Вы молоды и всё у вас сложится благополучно...

Абэ-сан был на удивление откровенным японцем, говорил прямо, без обиняков, то, что у него на уме. В разумных пределах то есть. Коллег не критиковал, об администрации плохо не отзывался. Это был мелкий актёр, не озлобленный на шоу-бизнес, с маленькими гарантиями, но и без риска попасть в «бомжи».

В следующий короткий перерыв я вышла в rest room, а за мной последовал, чуть ли не наступая на пятки, Нагао-сан. Когда я возвращалась, он сидел на дерматиновой лавочке и смотрел. Я улыбнулась, показывая на дверь в зал: «Идёмте!» Случилось так, что и зашли мы вместе.

У Татьяны и Агнессы были наводящие страх глаза хищниц.

Режиссёр крикнул:

– Сладкие парочки, на сцену!

Всему коллективу стало очень весело.

Мы шли под руку с Марком, и он на правах супруга поглаживал мне кисть, находящуюся у него под локтём. Я приподнимала край воображаемого бального платья с кринолином.

Художница по костюмам увлечённо делала эскизы сценических нарядов. А вокруг да около сновал фотограф, делая снимки для готовящейся к выходу программки. Он битый час щёлкал главных персонажей, ну и нас, редко, но крупным планом.

И что? Вот с таким красным пылающим лицом я попаду в программку на обозрение тысяч зрителей? Я отвела взгляд от Нагао-сан, выжигающего, как раскалённым железом, во мне дыры. Пожимая его гладкую ладонь, у меня возникло ощущение, будто горячие волны тропического моря струятся в меня, разливаясь по венам и капиллярам, затапливая аорту и венечные артерии. Прямо чертовщина! Да он ни дать ни взять колдун!

Пора было произносить реплику:

– Что же вы стоите так далеко друг от друга?

Я с участием посмотрела на примадонну Фуджи-сан и ободряюще погладила её, от предплечья... медленно... изгиб локтя... кисть руки... А та, не по сценарию, взяла меня за руку и не отпускала. Режиссёр сказал:

– Стоп! Госпожа Рохлецова, встаньте по левую сторону от госпожи Аш. А вы, Джонни, справа от Марка.

Великолепная Фуджи-сан всё ещё крепко сжимала мою ладонь и, видимо, не собиралась её отпускать. Означало ли это симпатию богини тиви³⁸ и национальных театров к моей рядовой персоне?

³⁸ Телевидение (от англ. TV)

Мы обе вздрогнули от громогласной реплики Марка, и Фуджи-сан, отпустив меня, тихо шепнула Нагао-сан:

– Overplay!³⁹

Английским гостям уже надо было покидать сцену, как вдруг Татьяна вернулась к Нагао-сан с рукопожатиями и с возгласами «Congratulations!» Хозяин, с ужасом следящий за появлением фурии, его истинной невесты Мичико, бегло пожал Тане руку. Фурия бушевала и ревновала. После чего был объявлен перерыв на обед.

Так как по недоразумению я попала в немилость своей приятельницы, говорящей на великом могучем, то и обедать пришлось одной. Вместо дерматиновой скукотищи меня потянуло к солнцу, на свежий воздух, в небольшой сквер неподалёку. А там сидела Татьяна, одна, под клёном, и кушала котлету из ланч-бокса. Что же мне делать? Не подойти как-то неудобно, но и мешать её изоляции было обременительно. Я уж пошла было на попятную, туда, на дерматин, но тут Татьяна сделала мне знак присоединиться. Я села рядом, и мы отобедали, говоря о погоде.

После обеда отрабатывались неключевые сцены последнего действия. Я всё ещё не могла связать пьесу в логическое единство, а проще сказать, «врубиться» в замысел. Добрейший Абэ-сан объяснил бы мне, о чём речь, но я не желала признаться в своей безграмотности и сразить его наповал. Ну не понимает человек на восьмой день репетиций, о чём

³⁹ (англ.) Переигрывает!

пьеса! Но догадывается... В любом случае всё станет ясно на двадцать девятый или тридцатый день, при полном прогоне спектакля и на генеральной репетиции!

К концу дня ко мне подошёл Накамура-сан и заботливо подсказал, что назавтра репетируют главные, а у всех остальных выходной. О! Огромнейшее спасибо, господин продюсер! Честно говоря, я опять бы ушла, не проверив расписание на доске объявлений.

Главные спускались по крутой лестнице в подземную парковку, к своим «мерседесам», а мы гурьбой вывалили к метро. Практически все актёры шли разрозненно, будто незнакомы. Лишь позади слышались голоса и смех Татьяны с Агнессой – всё отдалённей и отдалённей. Впереди вышагивал господин Абэ, пограничник между стезёй актёра и стезёй бомжа. Я догнала его, и мы пошли рядом.

Оказывается, мы проживали в одном отеле. Кроме этого, поражённо ахнув, я узнала, что все иногородние из нашего коллектива живут там же. А ведь, не считая Марка и Джонни, я ни разу не видела, чтобы кто-либо общался с коллегами в кафе возле ресепшена. Всё явственней чувствовалось, что наша актёрская братия, мягко говоря, с присвистом. Как агенты 007, они маскировались и прятались друг от друга. Если взять Францию, к примеру, то там с первого дня все члены труппы сплочённо ужинают и дружно выпивают.

Войдя в отель, я предложила господину Абэ посидеть в кафе. Он уклончиво отказал:

– Время уже позднее... Да и кафе на виду...

Я опешила. Это в полшестого – время позднее? И у кого на виду? Мы же не пара, как Джеймс Бонд и его девушка Веспер Линд! Но лишних вопросов не стала задавать. Потому как ясного, логически выстроенного ответа не получишь даже от прямолинейного Абэ-сан. Верно подмечено: загадочную японскую душу невозможно постичь, с ней можно только смириться.

Смирившись, я после лёгкого ужина в номере позвонила маме. Её не было дома. Наверное, ушла к подруге. Сестра Юлия со своей мамой, третьей женой нашего папы, уехала на заграничный курорт. И брат был в отъезде.

На американском канале я нашла первый попавшийся фильм, боевик, но скоро уснула, несмотря на взрывающиеся автомобили, пылающие небоскрёбы и маты орущих супергероев.

Проснулась в два часа ночи под ритмы американской попсы. Ещё раз позвонила маме. Она пока не вернулась. Да и время в Европе послеобеденное.

Завтра поеду в Иокогаму. Давно собиралась...

Глава 12

Встав около восьми, я распахнула шторы, чтобы проверить, в каком состоянии бетонная стена перед моими окнами. Если сухая и светло-бежевая, то солнечно. Если сухая, но тёмно-бежевая, значит, пасмурно, но без дождя. Если серо-чёрная, то значит, я встала не с той ноги. Стена была светло-бежевая.

В Европе приближалась полночь, а мама вообще-то ложится часов в девять. Не хотелось будить.

Выпив кофе и раскочавшись, я включила программу с японскими лирическими песнями энка. Дама в жёлтом кимоно с изумрудными павлинами умоляла возлюбленного срывающимся от отчаяния голосом ну хоть ещё разок, хоть одним глазком дать ей взглянуть на него перед разлукой. По лицу певицы текли слёзы.

Мне стало тревожно. Несмотря на поздний в Европе час, я позвонила маме. Трубку никто не взял. Тут я нашла объяснение: частенько, засидевшись у тёти Лики, мама оставалась у неё ночевать. Позвоню вечером – у них будет утро.

* * *

В тридцати километрах от центра Токио, у Токийского залива, был расположен чудесный город Иокогама, с пирсом

Осанбаси и Китайским кварталом. Все мои друзья и знакомые уже давно там побывали. А мне вот не приходилось.

Я села на электричку линии Тоёко, место у окна. В горле комом застряла печальная мелодия энка той плачущей певицы в кимоно с павлинами. Иногда из горла так-таки и вырывались её душещипательные ноты, заглушаемые стуком колёс, объявлениями следующей станции, а также моим собственным благоразумием.

Гигантские стёкла небоскрёбов, как экраны телевизоров, транслировали в своих шоу лишь его, кумира, не знающего себе равных, идола миллионов поклонников – солнце. Ослепительная рябь на поверхности реки Сумида, искажая небесное светило, создавала шедевры кубизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.